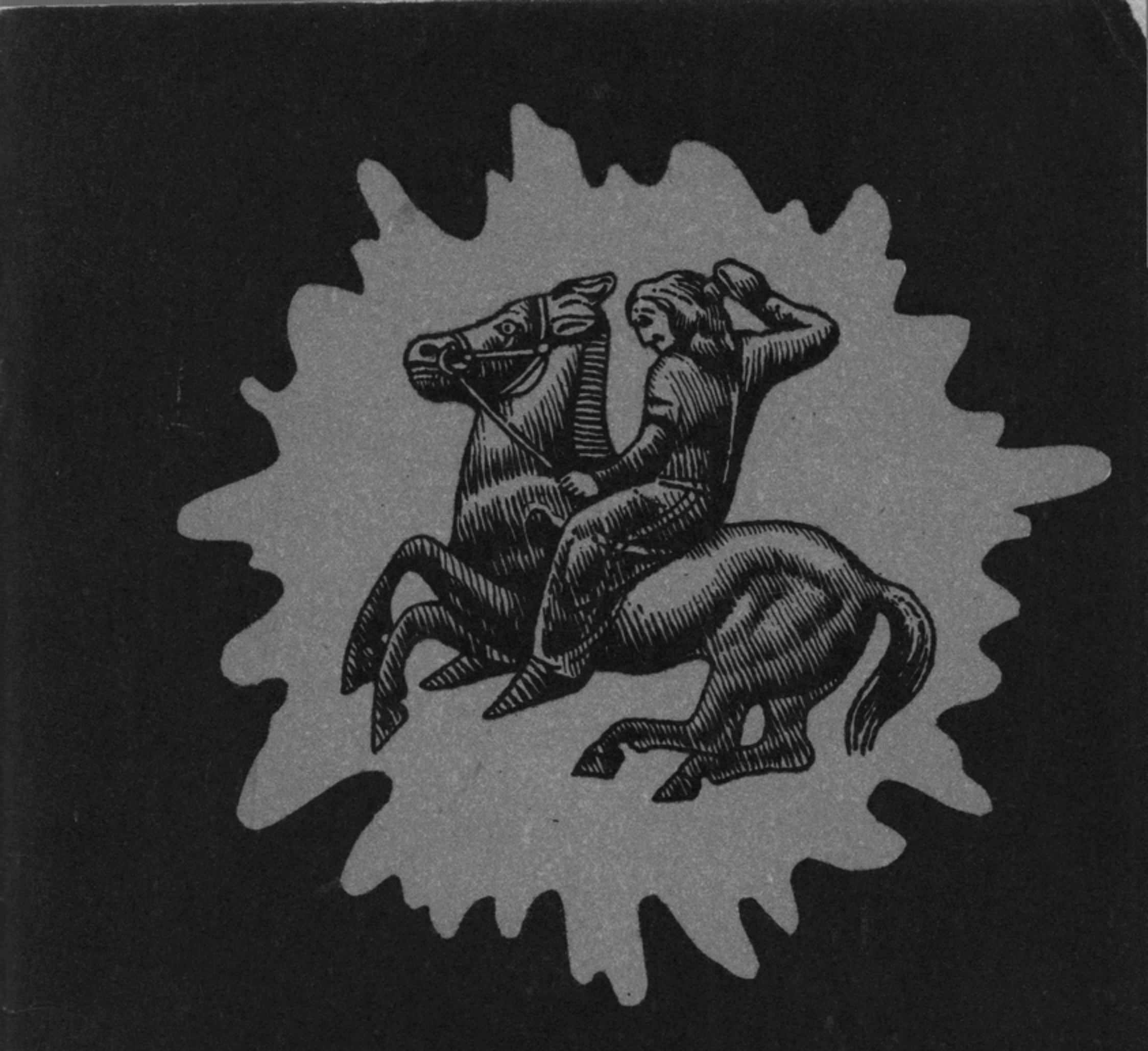


ВОПРОСЫ ИРАНИСТИКИ И АЛАНОВЕДЕНИЯ

ВЛАДИКАВКАЗ * 1990

Северо-Осетинский научно-исследовательский
институт истории, филологии и экономики
при Совете Министров СОАССР

ВОПРОСЫ ИРАНИСТИКИ И АЛАНОВЕДЕНИЯ

(Научная конференция, посвященная 90-летию В. И. Абаева)

Владикавказ, 18—20 октября 1990 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Владикавказ
1990

Ответственный редактор и составитель
В. М. ГУСАЛОВ

© Северо-Осетинский НИИ ИФЭ, 1990

I. Knobloch

Innsbruck, 12. September 1990

GRUßADRESSE AN PROFESSOR VASSILI I. ABAEV

Hochgeehrter Herr Professor Abaev,

aus Anlass Ihres 90. Geburtstags haben sich viele Fachkollegen versammelt, um Ihnen vor allem einen tiefempfundenen Dank auszusprechen. Ihr Lebenswerk, das vierbandige Istoriko-etimologiceskij slovar' osetinskogo jazyka, ist eine wissenschaftliche Leistung, ein unvergangliches Denkmal Ihres unablassigen wissenschaftlichen Schaffens. Welche Fülle von volkskundlichen Einzelheiten es darbietet, kann jeder Benützer nur immer wieder mit Staunen feststellen. Für die vergleichende historische Wortforschung haben Sie bei jedem Artikel dieses Lexikons neue Anregungen gegeben und neue Wege der Erklarung aufgezeigt.

Ihre Heimat hat seit fruhesten Zeiten die Kulturen des Alten Orients zu Nachdarn gehabt und damit geistige Schätze bewahrt, die die Geistesgeschichte Eurasiens in einer Erweiterung des Horizonts über die griechisch-römische Kultur hinaus zu betrachten erlauben. Man erkennt neue Verbindungslinien, nicht zuletzt über die europäische Sprachenfamilie hinaus in weite Bereiche Asiens hinein.

Durch die Beschäftigung mit den reichen Materialien, die Ihr Werk bietet, wird auch die Erforschung der kaukasischen Sprachen neue Anregungen erhalten, einer synchron orientierten Lexikographie als notwendiger Voraussetzung kann hier nach Ihrem Vorbild die wortgeschichtliche Sichtung und Einordnung folgen. Und diese wissenschaftliche Ausrichtung erfordert eine intensive Zusammenarbeit aller Wissenschaftlichen Forschungsinstitute zunächst der kaukasischen Nachbarländer, sehr bald aber auch eine internationale Kollaboration aller historisch orientierten Fachkollegen.

Dafür kann, was in diesen Tagen hier begonen wurde, ein vielversprechender Anfang sein.

Wir alle danken Ihnen fur das, was Sie in vorbildlicher Weise geschaffen haben und wünschen Ihnen, dass diese Leistung, der nachzueifern wir alle bemüht sind, Ihnen noch viel Freude und Anerkennung bescheren möge.

М. И. Исаев

В. И. АБАЕВ КАК ФИЛОЛОГ-МЫСЛИТЕЛЬ

1. Наиболее характерной чертой В. И. Абаева как ученого является стремление и умение делать обобщения. В зависимости от анализируемого материала они могут быть более или менее далеко идущими. Это становится возможным благодаря владению фактическим материалом и знанию соответствующей научной литературы.

2. В осетиноведении, благодаря аналитическому характеру научных разысканий, ученому удалось внести существенные коррективы в представление специалистов по всем кардинальным проблемам структуры, истории и функционирования нашего языка. Ему принадлежит последнее слово в характеристике чуть ли не всех основных языковых категорий.

3. Ряд конкретных проблем иранистики по-новому решаются В. И. Абаевым. Это касается в особенности вопросов Авесты и Зороастризма, древнеперсидских надписей и ономастики.

4. Достоянием индоевропейского языкознания являются далеко идущие выводы, к которым пришел автор в своем капитальном труде «Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада». В нём по-новому ставятся кардинальные проблемы возникновения и распространения индоевропейских языков.

5. Ряд идей В. И. Абаева в области связи языка с мышлением и обществом уже стали достоянием теоретической лингвистики.

6. Особенно ярко проявился могучий талант филолога-мыслителя в его главном труде «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», над составлением которого он подвижнически трудился на протяжении долгих шестидесяти лет. После выхода этого труда этимология, как часть филологии, поднялась на новую, более высокую ступень. А к неформальному титулу его автора «патриарха мировой иранистики» прибавился другой титул — «патриарх современной этимологии».

В. А. Ефимов, М. И. Исаев

В. И. АБАЕВ И ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

В. И. Абаев занимает уникальное место в истории Института языкознания Академии наук СССР. Он принадлежит к числу наиболее выдающихся филологов этого ведущего лингвистического учреждения страны, организованного на базе Института языка и мышления.

Научные работы В. И. Абаева относятся к «золотому фонду» трудов, подготовленных в стенах Института. Вершинное достижение ученого — «Историко-этимологический словарь осетинского языка», удостоенный Государственной премии СССР.

Велика научная и нравственная значимость деятельности В. И. Абаева.

Исключительно важна роль ученого в подготовке научных кадров по иранистике.

В. И. Абаев является достойным продолжателем лучших традиций отечественной филологии.

Ю. А. Сорокин

ДВЕ СЕМАНТИКИ И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Еще в 1934 году В. И. Абаевым была сделана попытка установить содержательный вес таких двух понятий, как идеологическая и техническая семантика. Идеологическая семантика понималась им в качестве семантики «...генезиса и взаимосвязи значений», а техническая — как надстраивающаяся над идеологической и являющаяся инструментом распределения идиологем в организме этноса.

Иными словами, идеологическая семантика являлась, по мысли В. И. Абаева, базовой, а техническая — сопутствующей семантикой. Первая служила банком интеллигибельных, вторая же — банком операциональных данных, банком способов и приемов распределения (и трансляции) интеллигибельности.

В настоящий момент (если, конечно, в словосочетании «идеологическая семантика» заменить — из-за нежелательноо негативного оттенка — слово «идеологическая» на слово «эйдоти-

ческая») и понятие эйдотической семантики, и понятие технической семантики приобретают особую ценность. И прежде всего потому, что могут служить удобными точками отсчета для моделирования структуры языкового (а, может быть, и неязыкового) сознания, для уяснения состава его основных и второстепенных элементов. Но при том, естественно, условии, что (языковое) сознание есть не что иное, как телеологически ориентированное поле смыслов/значений, есть некоторая интенциональность, опредмечивающаяся в артефактах и ментефактах.

Если считать все выше приведенные рассуждения правдоподобными, то допустимы следующие предположения: 1) (языковое) сознание как поле смыслов/значений состоит из двух подполей — подполя процессуальности (эйдотическое поле) и подполя «вещности» (подполе техники/технологии); 2) смыслы преимущественно процессуальны (эйдотичны), значения преимущественно «технологичны»; 3) замещение и сужение (технизация) эйдотичности, о которой говорил В. И. Абаев, есть замещение смыслов значениями (сужение процессуальности за счет «вещности»); 4) так как этнос является органической целостностью, слагающейся из взаимодействия пассионарных и непассионарных элементов, то технизация эйдотичности является в то же время и замещением первых элементов вторыми (сужением сферы действия пассионарной энергии); 5) в качестве защиты против замещения (сужения) этнос использует соответствующие формы защиты, ведущие в лучшем случае к изоляционизму и подчеркиванию собственной специфичности, а в худшем — к противопоставлению себя всем остальным этносам. В настоящее время становится все очевиднее, что такое противопоставление может носить не только нейтральный, но и конфликтный характер и зависеть не только от сбоев и искажений в социально-экономической микро- и макроструктуре, но и от сбоев и искажений в том соотношении эйдотичности и «технологичности», о котором размышлял В. И. Абаев.

Т. Н. Пахалина

РЕФЛЕКСЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЕЙ *KĒ/ŌL-, *K/GEU̯-, *ǴHU̯EL- И *BHĀ(U̯)- В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Перечисленные индоевропейские корни, рефлексы которых предполагается рассмотреть в докладе, довольно близки по значению: 1) *kē/ōl- и производные от него *(k)lei̯-, *(k)leu̯- имеют

значения: ‘ослеплять, очаровывать, обманывать, обманом лишать чего-либо, льстить‘; 2) *k/geu- имеет значение ‘кривить душой, лукавить, обманывать‘; 3) *ǵhu̯el- ‘кривить душой, блудить, обманывать‘; 4) *bhā(u̯)- ‘светить, казаться, являться (о призраке, привидении)‘. Учитывая возможность определённого типа чередований согласных в индоевропейском, каждый из этих корней может быть представлен несколькими вариантами.

2 Ещё более широкие возможности в чередовании определённых согласных, а также явление умлаута, свойственное иранским языкам, дают возможность представить довольно широкий спектр рефлексов перечисленных индоевропейских корней и их вариантов в различных языках иранской группы.

Д. И. Эдельман

К ИРАНСКО-ЕВРОПЕЙСКИМ ГРАММАТИЧЕСКИМ ИЗОГЛОССАМ

Проблема изоглосс, объединяющих скифский (и осетинский) и другие иранские языки с индоевропейскими языками Европы, впервые поставленная и исследованная на большом фактическом материале В. И. Абаевым, заслуживает особого внимания со стороны индоевропеистов.

В предлагаемом докладе рассматривается происхождение некоторых грамматических изоглосс, объединяющих отдельные иранские языки или их группы с различными языками Европы.

Часть грамматических характеристик, послуживших базой таких изоглосс, обязана своим происхождением определенным свойствам раннеиндоевропейской грамматической системы. Несмотря на инновационность самих этих черт и на наличие их не во всех языках и того, и другого ареала, эти черты как бы «генетически запрограммированы» общим для них «первотолчком», происшедшим еще в недрах индоевропейской системы. К таким чертам относятся, например, инновационные типы построения перфектных конструкций на определенном этапе развития иранских, романских и германских языков; отмеченный В. И. Абаевым порядок трансформации падежной системы с утратой оппозиции «генитив — датив» в иранских языках и в Балканском языковом союзе; возникновение постпозитивного артикля в отдельных иранских языках и на Балканах.

Другая часть таких характеристик объясняется типологическими совпадениями (хотя и имеющими иногда общую понятийную базу). Например, развитие из форм перфекта особых

построений со значением неочевидности (таджикский и литовский языки); образование форм футурума с основой глагола «хотеть», этимологически различной в разных языках (осетинский, персидский, согдийский, хорезмийский — и языки Балканского союза); распространение форм дв.ч. имени при числительном «2» на имена в сочетании с числительным «3» и выше в некоторых иранских и славянских языках; появление «местоименной репризы» в хорезмийском, осетинском и в языках Балканского союза и др.

Третья часть выявляет определенную ареальную приуроченность и может объясняться ранними контактами языков или общим субстратным воздействием в прошлом и на те, и на другие языки. Такова исследованная В. И. Абаевым взаимосвязанность наличия системы превербов и выражения перфективности в осетинском и славянских языках; сюда же относится предпочтительность употребления разных синтаксических конструкций для выражения сходных модальных значений в разных ареалах (ср. таджикские инфинитивные конструкции типа «я хочу читать», аналогичные таким же в других языках среднеазиатского ареала, но и персидские конструкции с сослагательным наклонением типа «я хочу, чтобы я прочел бы», аналогичные таким же в балканских языках).

Исследование этих и других изоглосс помогает уяснить соотношение внутренних и внешних факторов в истории развития индоевропейских языков.

С. П. Виноградова

О СИНХРОННЫХ И ДИАХРОНИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ КОНСОНАНТНЫХ ГРУПП В ГАТАХ (АВЕСТА)

Выверка консонантных синтагматических закономерностей диалекта с помощью морфологических парадигм позволяет не только уточнить историческую глубину различных тенденций в развитии этих сочетаний, но и выявить закономерности, которые, очевидно, допустимо рассматривать как черты классификационные, указывающие на восточноиранское происхождение по крайней мере Гат. В частности считается, что Гаты отразили явление, известное как «закон Бартоломе», в его класси-

ческом виде, т. е. до процессов унификации, происходивших по-разному в восточноиранских и западноиранских языках. Однако анализ нескольких групп фактов, выпадающих из русла общих доарийских, арийских и общеиранских тенденций, приводит к мысли, что именно в них отражается ранняя стадия процесса унификации консонантных сочетаний на стыках морфем по звонкому типу. Эта унификация в Гатах проявилась в следующих фактах.

1. Факты выравнивания по звонкому типу глагольных флексий и основообразующих суффиксов с начальным **s* от корней на звонкий придыхательный (ср. ситуацию в ведийском).

2. Факты, выявляющие аналогию в звучании ряда отглагольных суффиксов, а именно, звонкие варианты таких суффиксов, как *-tra*, **-tha*, **-tva*, *-tar* в положении после непридыхательных (в нарушение общеиранской и доиранской тенденции к ассимилированности групп по участию голоса, ср. и.-е., по происхождению, регрессивную и индоир., по времени и происхождению, прогрессивную направленность таких ассимиляций (ав.г., п.*raf δra-* «защита», *uxδa-* «речение», *fəδrōi* «отцу» и др. примеры, находящие различное объяснение или не находящие таковых у разных авторов). Фонетическая реальность таких диссимилированных комплексов подтверждается в частности рядом примеров из паштунских диалектов.

3. Факты появления звонких вариантов исхода глагольных корней на исторически непридыхательный (по крайней мере в исходе форм 3-го л. ед. ч. аор. перед редуцирующейся *-t̰*, или же в абсолютном исходе, напр., г. *yaogəṯ* «запряг» от **yaug-* и т. п., ср. г. *čagəd-* «просящий» от ар. **kagh-/kaŋgh-*, по Хр. Бартоломе; нареч. *paityaogəṯ* «в ответ» и др.).

4. Ср. также факты ав. п. диссимилированных *aδka-/aṯka- m.* «верхняя одежда», вторичное по отношению к др. -инд. *átka*-m. id., ср. пшт. *кадай́й* m. «верхнее платье, длинный халат» (субстрастная лексема?) в тексте Yt. 5.126, Яште, посвященном Ардвисуре Анахите.

Вместе с тем следует признать, что в систему эти вышеперечисленные факты (на фоне системности более общих закономерностей в организации консонантных групп) укладываются только при допущении неоднородности лексики Гат не только с точки зрения стилистики, но и разнородности ее, отражающей различные культурно-исторические традиции. (И в лексике Гат нашел, как представляется, отражение конфликт-столкновение двух «культурно-исторических ареалов», трактовку термина см. у Журавлева В. К., 1989).

И. М. Стеблин-Каменский

ИМЕНА ЗАРАТУШТРЫ И ЕГО РОДИТЕЛЕЙ

После всех бесчисленных толкований имени Заратуштры большинство иранистов приходит все же к соглашению, что наиболее вероятным этимологическим значением следует считать буквально «Старо-верблюдый», «Тот, чьи верблюды стары». Это, на первый взгляд немного странное, значение приобретает особый смысл, если рассмотреть его в ряду еще нескольких древнеиранских, преимущественно авестийских, имен, имеющих явно уничижительный оттенок: «Не-быстро-верблюдый», «Тёмно-овцый», «Тоще-лошадный», «Тоще-быкий» и др.

Имена эти можно отнести к так называемым «именам-оберегам», защитным, охранительным именам, непривлекательность которых была рассчитана на то, чтобы отвлечь от ребенка враждебные силы. Подобные имена встречаются у многих иранских и других народов Средней Азии, в таджикской среде они известны как «номи паст» — низкие имена.

С этой точки зрения можно истолковать и имена родителей Заратуштры. Имя матери его — Дугдова — правильнее понимать не «Доительница коров, доярка», а «Та, чьи коровы выдоены», то есть, та, чьи коровы уже подоены и остались без молока. Имя отца Заратуштры — Порушаспа — трактуется всеми как вроде бы нейтральное «Серо-лошадный», «Тот, чьи кони серы». Заметим, что «серая» среди конских мастей у иранских (и некоторых других народов) считается злополучной, приносящей несчастье. Лошадей серой масти с темной полосой вдоль хребта стараются избегать. Это имя, таким образом, может быть также отнесено к «некрасивым», «низким», то есть охранным именам.

В. А. Дыбо

О РИТМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГА В ПУШТУНСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

1. В статье «Об афганском ударении» («Иранское языкознание. 1980», М. 1981, стр. 48—56) Л. Г. Герценбергом была сделана попытка объяснения разноместного ударения в пушту на основе постулированного им различия тяжелых и легких слогов в восточноиранском. Согласно этой концепции, называемой ниже «ритмическая концепция Герценберга», ударение в двухсложных ос-

новах ставилось на тяжелом (долгом) корневом слоге и смещалось с легкого (краткого) корневого слога на последующий тяжелый, но не смещалось с тяжелого слога на тяжелый. Дальнейшее падение системы тяжелых—легких слогов фонологизировало ударение в афганском и создало его морфонологическую разноместность.

После известных работ П. Тедеско о ритмическом законе в согдийском такая гипотеза является наиболее напрашивающимся объяснением разноместности акцента в пушту.

2. Однако последовательное проведение этой гипотезы сразу же наталкивается на многочисленные противоречащие факты, свидетельствующие о наличии окситонированных форм с предшествующим тяжелым (долгим) корневым слогом, для объяснения которых Л. Г. Герценбергу приходится принимать ряд условных предположений.

3. Для большого количества окситонированных основ с тяжелыми (закрытыми) слогами Л. Г. Герценберг предполагает, что в праафганском слогоделение проводилось в соответствии с принципом Е. Куриловича, по которому слог может начинаться с такой же группы согласных, что и слово. Однако этому предположению Л. Г. Герценберга противоречат процессы заместительного удлинения, наблюдаемые в соответствующих афганских основах с упрощением праафганских сочетаний согласных, ср.: афг. *ričá* 'гнида' (др.-инд. *likṣā́*), афг. *yiná* 'печень' (др.-инд. *yaknā́*), афг. *čāṛá*<*čāṛə́* 'кинжал' (<**karti-*), афг. *irá* 'пепел' (<**aʒryā́*), *šerá* (<**sraʒrā́*), примеры могут быть значительно умножены. Заместительное удлинение, происходящее в результате упрощения сочетаний согласных, всегда предполагает перенос признака долготы слога на гласный компонент возникающего открытого слога и, следовательно, указывает на то, что в праафганском в данных основах были именно закрытые, т. е. тяжелые, слоги, а процесс изменения слогораздела и связанного с ним упрощения сочетания согласных сопровождался передачей долготы (тяжести) слога на гласный.

4. Для объяснения других окситонированных основ Л. Г. Герценбергу приходится ввести особую закономерность, согласно которой долгий корневой гласный (*ā*) в праафганском сокращался в позиции перед *ā* и затем с него сдвигалось ударение и другие подобные предположения. Однако этому решительно противоречат рефлексы корневого *ā*, ср.: афг. *hoyá*, вазир. *yōwya* 'яйцо' (**āwya-*), афг. *luná* 'нарыв' (**dānā́*), где *ū*<*ō*<*ā* перед *-n*, афг. *umá* f. 'сырой'<**āmā́*, где *u*<*ō*<*ā* перед *m* и т. п.

5. Ритмическая гипотеза Л. Г. Герценберга, наконец, оказы-

вается избыточной в связи с полной тождественностью системы афганского разноместного ударения ведической, показанной в наших работах (см. «Балто-славянские исследования», М., 1974, стр. 67—105; «Славянское и балканское языкознание. Просодия», М., 1989, стр. 106—147).

Е. К. Молчанова

ЭВОЛЮЦИЯ ПАДЕЖА В НОВОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ. АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

1. Общеизвестен вклад В. И. Абаева в теорию осетинского падежа и его концепция кавказского субстрата. Эти идеи послужили образцом диалектического подхода к проблеме развития грамматической категории, обогатили методологию исторической грамматики и ареалистики.

2. Тема предлагаемого нами сообщения — формирование в новоиранских языках западной группы инновационных падежных систем аналитического характера, явления вторичного синтеза (преимущественно агглютинативного) и роль языковых контактов в этом процессе. Наибольшее внимание уделяется контактированию западноиранских языков с тюркскими в регионах Средней и Малой Азии, Закавказья, северного Ирана.

3. Известная тенденция в историческом развитии грамматического строя западноиранских языков — к сворачиванию вплоть до полной элиминации флективного именного склонения — дополняется тенденцией к образованию аналитических падежей, главным образом, с помощью послелогов, оригинальных и заимствованных (см. «Опыт историко-типологического исследования иранских языков». М., 1975).

4. Рефлексы старой падежной флексии в языках и диалектах северо-западной группы демонстрируют постепенное сужение грамматического значения (падеж—род—число; падеж—число; падеж или число), функциональное размежевание коррелятов; комплексная флексия заменяется набором агглютинативных морфем.

5. В развитии аналитических падежей прослеживается несколько стадий: а) присоединение послелога к форме косвенного падежа (заза, ормури); б) нерегулярность в употреблении падежного показателя перед послелогом (талышский яз.); в) непосредственное присоединение послелога к именной основе (в юго-западной группе).

6. Регулярная редукция послелогов (особенно в разговорной речи и диалектах), а также морфонологические изменения на стыке основы с послелогом свидетельствуют о движении к синтезу.

7. Отмечалась (Л. А. Пирейко) многозначность послелогов, переходящая в семантическую неопределенность, и необходимость уточняющих предлогов (талышский). В сочетании с предлогами прежний послелог тяготеет к превращению в марку общекосвенного падежа (южнотаджикские говоры).

8. Трансформация послелога в агглютинативный падежный показатель может сопровождаться изменением порядка морфем в словоформе (ю.-тадж. *ай гап-ънда-м бефара* «от моих слов ему, оказывается, плохо»).

9. Привлекают внимание префиксальные падежи-стяжения с предлогами или местоименными частицами (ю. татск. *äl-män* «мой»<*än*+*män*; тал. *išti* «твой»<предлог **či*+*ti* «ты»).

10. В западных новоиранских языках и диалектах, входящих в языковые союзы, в частности, с тюркскими языками, можно наблюдать не только прямое заимствование падежных агглютинативных аффиксов (например, сев. тадж. исходн. *-дан*, местный *-да*, дат. *-га*), но и калькирование морфологической структуры слова и целых конструкций (северотаджикские и южнотатские притяжательные обороты).

А. В. Дыбо

ИРАНСКИЕ НАЗВАНИЯ ПЯДЕЙ

1. Авест.: система из трех мер: *vi-tastay-* f. Barth. 1440 ‘пядь от большого пальца до мизинца‘ [Б—М],=12 пальцев; *dištay-* f. Barth. 748 ‘10 пальцев‘ (антропометрически соответствует пяди от указательного пальца до мизинца [У—М]. *uz-aštay-* f. Barth.410 ‘пядь от большого пальца до указательного‘ [Б—У],=8 пальцев. Эту систему можно отождествить с скр. (*vitasti-* Б—М,12 пальцев, *disṭi-* ‘?‘, *kudiṣṭi-* (в традиционных источниках мера больше *disti-*, в действительности, видимо, мера меньше *disti-*: *ku-* пейоративный префикс). *Vi-tastiy-* от *vi-tamš-* ‘растягивать‘, *disti-* от *diś-* ‘указывать‘, *uz-aštay-* от *ašta-* 8.

2. Позднейшие иранские наименования пядей.

а) **vi-dāti-* f. ‘растяжка‘ (скр. *vi-dhā-* распространять, растягивать): согд. *wyd't* ‘?‘; шугн. *wiδēd* Б—М Зарубин 252, язг. *wiδād* Б—М Эдельман Язг. 293, санг. *wuδit* Б—М, ишк. *wudid* Б—М Эдельман СФ 169, й.-м. *wulēyo* Б—М *Mgst. IFL* 265

(<*vidati=ka f. 420), вах. *wulet* '?' *Mgst. IFL* 548, *ESh* 88 (δ>*l*: возможное развитие, см. Эдельман СФ 170). Очевидно, * Б—М.

б) *vi=tams=ti* (=авест.): Зап. пехл. *vitast* '?' Barth. 1440, перс. *vidast*, *bidast*, *gidast* Б—М Barth. 1440, кохр. *vedas* '?', курд. *bist*, *bihist* f. '?', белудж. зап. *gidist*, вост. *gidisp* '?'; орм. *jusp*, *jbasp*, *zwast*, *zbast*, *wast* '?' Mgst. IFL Ind., Ефимов. 58. По Ефимову *jusp*<*visp*<*vi=yisp*<*vidispi*, но *=u=* и *=ba=* объяснимы, только если принять метатезу: *jvisp*<*yvisp*<*vyisp*<*vi=dispi*. Формы с *=p=* принято объяснять диссимиляцией; при том, что обычно *-st=* в орм. сохраняется, не сталкиваемся ли мы здесь с развитием сочетания *=mst=*? (ср. сохранение *=m=* в том же корне в авест.: *vitaŋuhaiti* ' название реки' = скр. *vitasta=* Barth. 1440). По-видимому, в одном из сев.=зап. языков **vi=tams=ti*>**vitahpi-* (ср. похожее развитие в авест. j *dahistəm* ' bestunterrichtet' = скр. *dámsistham* Reichelt p. 52 S. 86) > **vidahpi*>**viyap* (*-d-*>*-y-*⇒не в парф.!); последняя форма была заимствована в перс. *vajab* 'Б—М' = тадж. *важаб* 'Б—М' (с интерпретацией *=y=* соответственно развитию начального *y-*). Из перс. — талыш. *выж* 'вершок', гилян. *v j b* '?', сангл. *wajāb* 'Б—М', ягн. *wajȁb* Андр.—Пещ. 385, вах. *wajab* '?', й.-м. *wojou* 'Б—М', 'Б—У' Mgst. IFL (см. с. 48, *=b*>*=u* при заимствовании); возможно, из перс. же пушту ваз. *vu=zai* 'Б—У' Mgst. EPsh 94 (ср. колебания *z/z* в этом диалекте). Вост. пушту *лвешт, влешт,* Б—М. Из пушту: перс. кабули *bilist* 'Б—М', сеистан. *bališt* '?', парачи *belišt* '?', сангл. *b lis* 'Б—У', пашаи *wlešt* '?' Mgst. EPsh 86 и др. По-видимому, из пушту же белудж. *girārth* (**vilašt*; *vi-*>*gi-*, *-st-*>*=rt=* при заимствовании, *-l-*>*-r-* по ассимиляции), ср. иначе Mgst. ESh 88, где предполагается нерегулярное развитие вместо **giδāth* из **vidati-*. Осет. *wydisn*(*y*), *disny* И. *uʒesnœ*, *uʒestœ*, *iʒestœ* Д. 'Б—М' Аб. IV 113 (варианты с *-n-* объяснены диссимиляцией либо параллельным формантом; возможна также назализация **=mst=*?).

в) **a-ϑanga-* (*ϑang-* '*ziehen*' *Barth.* 784): пушту *alang* 'Б—У' Асл. (Mgst. IFL Ind.); заимствовано из какого-то среднеиранского языка (согд. с интерпретацией *-δ-* как *-l-*?) осет. *wylyng* И. *ulinkœ* Д. 'Б—У' (*wy-* — результат контаминации с *wydisn*) Аб. IV 114 (сближения с лат. *ulna* и под. не проходят по нехарактерности семантического развития локоть ⇒ пядь 'Б—У'; кет. *ȳlengät* 'локоть' — сложение с кет. *ȳl* рука <ПЕ **x^r*,= арин. *karampat* 'локоть' [Старостин 163] и не имеет отношения к скифо-сармат.; шугн. (*w*)*ulčak*, а также язг. *wəlčák* 'Б—У' — заимствование из тюрк. **olčak*>узб. *улчак* мера).

г) различные вторичные наименования. Пушту *grut*, *guret*, ваз. *gura* 'Б—У', ванеци *gəṭṭī* '?' Mgst. IFL Ind., EPsh 24< **anguri-šta* (**anguri* 'палец'). Мундж. *lo-oguščo* 'Б—У' (букв.

«2 пальца»); = пушту *langor*<**lva-anguri*, ср. *dwa* '2' — видимо, другое поведение в сложении (сомнительна связь *langor* с *alang* — Mgst. IFL Ind.). Орм. *gurbizak* 'Б—У': сложение, первая часть из **anguri*, вторая неясна. Сангл. *čārangešt* '?', шугн. *čorangixt* 'Б—Безым. Зарубин 126 (букв. «4 пальца»). Неясны вах. *avārt* '?' Mgst. IFL 515; вах. *xa'rɛk* 'Б—У' Mgst. IFL 551. Сангл. *pēx* 'Б—У', мундж. *pēx* 'Б—У', йидха *pix* 'Б—У' по Mgst. IFL<**paixa* 'узел, сустав . Ванеци *gekū* 'Б—У' Mgst. Wn 168<лахнда *gōkha*. Талыш. *гарыш* из азерб. *гарыш* 'пядь .

Итак, для праиранского состояния кроме системы, тождественной авест. и имеющей общеиндоиранский характер (впоследствии редуцировавшейся), можно восстанавливать и систему, преимущественно восточноиранскую, из двух пядей: 'Б—М' и 'Б—У'.

Е. М. Назарова

О КОНСТРУКЦИИ ИЗАФЕТНОГО ТИПА В ЕВРЕЙСКО-ТАТСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ИРАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

1. В большинстве иранских языков западной группы, к которой относится и еврейско-татский язык, — в персидском, таджикском, курдском, парачи, гилянском и в некоторых других — наиболее употребительным типом именных определительных словосочетаний является изафетная конструкция. Она служит в этих языках универсальным средством атрибутивной связи: с ее помощью выражаются качественные, относительные признаки предметов и принадлежность предмета лицу. Особенностями изафетной конструкции являются: постпозитивное положение определения (сначала качественное, за ним относительно-притяжательное) и специальный, оформляющий определяемое постинфиксальный морфологический показатель изафет (в одних языках их несколько, в других — один, унифицированный).

2. В еврейско-татском языке функционируют именные определительные словосочетания, близкие по форме изафетной конструкции западноиранских языков, например: *хуше-й онгур* «гроздь винограда», *бебе-й гIэил* «отец ребенка», *нену-й дедей* «колыбельная матери», *косибгъо-й шегьер* «городские бедняки». Однако функциональная сфера конструкции этого типа здесь ограничена: они используются только для характеристики притяжательности (в широком смысле); выражение качественных признаков предмета происходит средствами специальной ка-

чественной конструкции другой формальной организации. Таким образом, конструкция так называемого изафетного типа имеет в еврейско-татском другую содержательную и функциональную ориентацию.

3. Другой особенностью конструкции изафетного типа в еврейско-татском языке является постепенное историческое видоизменение ее структуры. Изафетный показатель *-й*, оформляющий определяемое существительное, полностью редуцировался в позиции после согласных и употребляется только после основ на гласные (кроме *и*), а зачастую утрачивается и после них, т. е. в языке наблюдается тенденция к его исчезновению. Словосочетания этого типа образуются в языке и без изафетного показателя, но с сохранением того же порядка следования компонентов: *шев васал* «весення ночь», *десде гIэил* «группа детей», *хори ватан ме* «земля моей родины».

4. Другой структурной особенностью конструкции изафетного типа в еврейско-татском языке является маркирование определения постфиксальным показателем — инновационным суффиксом притяжательности *-и*, употребление которого однако не является абсолютным и строго закономерным, скорее факультативным: *булши пембе-и* «хлопчатобумажное платье», *егъни гушд-и* «мясной суп». Происхождение этого аффикса мы связываем с процессом дальнейшей грамматикализации указательного местоимения *ēn*, начавшимся уже в среднеперсидском языке, где оно в сочетании с изафетом *ī* использовалось в атрибутивной функции как формальная примета препозитивного определения (качественного и по принадлежности). Однако с переносом определения по принадлежности в еврейско-татском в постпозицию по отношению к определяемому имени произошел перенос в постпозицию и этого показателя, который с течением времени в результате фонетических процессов стал частью определения — суффиксом притяжательности в виде (ӣ) (и).

5. Исследование микросистемы определительных словосочетаний в еврейско-татском показало, что в языке происходит становление новой системы выражения атрибутивной связи, в которой имеют место и элементы вторичного синтезирования и усиление новых аналитических тенденций за счет большого закрепления порядка слов в атрибутивных конструкциях. Одновременно с этим происходит здесь постепенное историческое разрушение исконно западноиранской формы атрибутивной связи — изафетной конструкции, с чем связано наличие вышеуказанных особенностей в конструкции изафетного типа в еврейско-татском языке.

А. А. Керимова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В последние 15—20 лет в таджикском литературном языке наблюдаются некоторые тенденции к более активному употреблению книжных слов, а также отдельных форм, имеющих в целом книжный характер. Этот процесс связан отчасти с усилением роли классического литературного языка (IX—XV в.), единого у таджиков с персами и носителями афганского дари. Имеет место также возросшее в последнее время влияние современного персидского и дари на таджикский язык; об этом говорят многие лексические заимствования из данных языков. Они встречаются в различных функциональных стилях таджикского языка, в литературе художественной, научной, в публицистике. Некоторые из них получили статус нормы, например, слово *донишҷӯ* в значении ‘студент‘, *навор* в таком значении, как ‘пленка для фотографирования или записи речи‘ [см. Русско-таджикский словарь. М., 1985]; ср. совр. перс. *данэшджу* ‘студент, учащийся высших учебных заведений‘; *нäвар* 1) ‘лента, полоска материи‘; 2) ‘тесемка, завязка‘; 3) ‘лента, узкая полоска (чего-либо)‘; 4) ‘лента, пленка (магнитофона)‘ [Персидско-русский словарь. М., 1970]. Отметим также некоторые новообразования, возникшие по старым словообразовательным моделям, например, простые глаголы от именных основ, как *ҳисобидан* от *ҳисоб* ‘счет‘ (наряду с общеупотребительным сложным глаголом *ҳисоб кардан)* ‘считать, признавать‘, *размидан* от *разм* ‘битва, сражение‘ (наряду с сложным глаголом *разм кардан, разм намудан)*‘ биться, сражаться‘ и др.

Р. Х. Додыхудоев

АФГАНИСТАН И ПАШТУНИСТАН

(К структуре и значению терминов)

1. Ещё недавно названная страна слыла неведомой и романтической, а в XIX в. благодаря трём англо-афганским войнам и особенно в XX в. благодаря Апрельской революции 1978 г. и последовавшей за ней гражданской войне, усилившейся вмешательством внешних сил, Афганистан как бы приблизился ко всему миру во временном и пространственном измерениях.

2. Название «Афганистан» эта страна приобрела с началом независимой государственности в середине XVIII в., когда первый эмир страны Ахмадшах объединил ряд разрозненных полусамостоятельных владений в одно государство под названием «Афганистан» по традиционному названию одной из самых значимых этнических единиц страны.

3. Другим названием этнической единицы является слово *пашту́н*, дериватом которого является другое почти идентичное название большей части страны — Паштунистан, за которым закрепилась функция обозначения сопредельных территорий Афганистана и Пакистана.

4. Встречаются и три других термина для обозначения исторической родины афганцев или части её: Пакистан, Паштунхва и Рух.

5. В докладе делается попытка структурно-семантического анализа этих названий. Первые четыре макротопонима образованы по одной модели: имя+формант (*Afγān+istān*, *Paṣtūn+istān*, *Paštūn+xvā*, *Paṭhān+istān*). Семантика их связана с названием (*afγān*, *awγān*, *paṭhān*) и самоназванием (*paṣtūn*< *paṣtū*) афганцев; последний представляет чистую основу *Rūh* — «гора», «горная страна».

С. Мерганов

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА В АФГАНИСТАНЕ И ЕЁ ЭВФЕМИЗМЫ

1. Как известно, после победы революции 1978 г. специальным Указом Ревсовета ДРА ряд языков национальных меньшинств получил статус официального. Несмотря на это, языки пашту и дари, являясь основными языками межнационального обучения Афганистана, продолжают занимать ведущее место, играть решающую роль в обогащении как лексического состава других языков страны в целом, так и создании научной, общественно-политической и специальной терминологии.

2. Как показывают наши многолетние наблюдения, доминантами терминологии родства почти во всех районах Афганистана являются именно дари и пашту, откуда заимствуются в другие языки многие термины.

3. Нередко в сложных словах-терминах одна часть термина восходит к пашту, а другая к языку дари (*кāкāхӯсур* — ‘дядя невесты по отцовской линии‘; *мāмāхӯсур* — ‘дядя невесты по материнской линии‘ и др.).

4. Особый интерес, на наш взгляд, представляют случаи эвфемистического употребления в быту терминов. Эвфемизмы употребительны и в мужской и женской ветви семьи. Каждому члену семьи присваивается (помимо личного имени) другое имя, которое в семейном быту почти всегда не только заменяет личное имя, но и выражает степень родства. В них проявляется уважительное отношение к лицам (*падар* «отец» и *қеблагах* «отец», «направление, место поклона», *барадар* «брат», *лāлā* «старший брат» и т. д.).

5. При сопоставлении терминов родства Афганистана с аналогичными в таджикском языке наблюдаются значительные расхождения.

6. Исследование этого разряда слов, относящихся к наименее изученному пласту, имеет научное и практическое значение.

З. Ф. Харебати

НЕКОТОРЫЕ ЭТИМОЛОГИИ ИЗ «ФАРВАРДИН-ЯШТА»

«Фарвардин-Яшт» — самый длинный из всех яштов священной книги зороастрийцев — Авесты. Он посвящен Фраваши — душам умерших предков. Фраваши есть у каждого человека, они покровительствуют ему во всех добрых делах и начинаниях, благодаря им человек обретает силу и мощь. Первоначально считалось, что Фраваши бывают только у людей царского рода, затем понятие распространилось и на простых смертных людей. Доброе Дело, Доброе Слово, Добрая Мысль — таковы основные постулаты зороастрийской веры, и Фраваши покровительствуют всем праведным маздаяснийцам, соблюдающим эти правила.

«Фарвардин-Яшт» можно разделить на две большие части. Первая посвящена прославлению Силы и Мощи Фраваши в целом, вторая рассказывает о Фраваши всех праведных именитых мужей зороастрийской веры, начиная от первого царя Джамшида вплоть до Фраваши матери Заратуштры—Дугдова и трех не родившихся сыновей пророка.

«Фарвардин-Яшт» содержит очень большое количество собственных имен, в этом отношении представляет большой научный интерес. Переводом и комментированием «Фарвардин-Яшта» занимались Райхельт, Вольф. При работе над русским переводом нам встречались отрывки, перевод которых остается спорным, в частности авест. *manaïen ahe vis* букв. «подобно птице яйцо» (этимология по Хеннингу); авест. *aδū-fraδanąm*

«увеличивающая зерно» (этимология по Эммерику) — эпитет Ардви Суры Анахиты; название Аму-Дарьи, как «полноводной, обильной, имеющей сто притоков и протоков» реки.

З. Г. Исаева

ВОПРОСЫ АНТРОПОНИМИИ В ТРУДАХ В. И. АБАЕВА

1. Антропонимический материал представляет особую ценность при изучении истории языков и их контактов. Поэтому закономерен интерес к нему со стороны В. И. Абаева, продолжающего линию . Ф. Миллера по историко-сравнительному изучению осетинского языка.

2. В области исторического осетиноведения особенно важно использование антропонимического материала скифов и сармат. Глубокий филологический анализ этого материала позволил В. Ф. Миллеру и В. И. Абаеву установить и доказать факт преемственный связи скифо-сарматских наречий с осетинским языком.

3. На материале антропонимии ученому удалось также нарисовать картину глубоких лингвистических связей осетин с целым рядом народов, главным образом, кавказоязычных и тюркоязычных. В этом плане характерна его работа: «Тюркские элементы в осетинской антропонимии».

4. Благодаря историко-филологическому анализу В. И. Абаеву удалось дать убедительные разъяснения по происхождению ряда иранских личных имен.

Все сказанное свидетельствует о том, каким благодатным явился в руках искусного языковеда-историка материал собственных имен.

З. А. Битари

СОНОРОН -Й-, -У- ÆМÆ ХЪÆЛÆСОН МЫРТЫ ÆМИУÆДТЫ ФАРСТА ИРОН ÆВЗАДЖЫ

Акустикон æгъдауæй хъæлæсон мыр иугъæдон нæу, уымæн æмæ, хъæлæсон мыр зæгъгæйæ, рæуджытæй рацæугæ уæлдæфыл хурхы уадындзытæ сæмбæлынц хъандзалæй. Ахæм уавæры уæлдæф ивындзæгтæгæнгæ ратты хъæлæс. Уыцы ивындзæгтæн фонематикон нысаниуæг нæй æмæ сæ нæдæр дзурæг фæхаты, нæдæр

хъусæг. Уый хыгъд дзурæг дæр æмæ хъусæг дæр æнцонæй рахатынц хъæлæсон мыр дывæргондæй куы фæдзырдæуы, уæд. Фæлæ ахæм мыræн фонематикон æгъдауæй адихгæнæн нæ вæййы. Растдæр ахæм уавæр фонетикæ иртасджытæн æвзагзонынады æрфидар кæнын кодта термин *дифтонг:* иу уæнгон дыууæхъæлæсон мыры æмиуад. Æмæ кæцы-фæнды æвзаджы ма сæмбæлæм дифтонгтыл — сты иу уæнг аразæг.

Рагæй фæстæмæ ирон æвзаджы ахуыргæнæн чингуыты дифтонгтæй ныффидар сты мæнæ ахæм мырты æмиуæдтæ: *уы, уа, уæ, уи, уо, ау, æу, ау, йæ, æй, ий, ый* æмæ æнд. ах.

Стыр уырыссаг фонетист Л. В. Щерба мырты ахæм æмиуæдтæ схуыдта *мæнг дифтонгтæ,* уымæн æмæ, зæгъгæ, сæ аразæг компоненттæ сты æндæр æмæ æндæр мыртæ, сæ иу иннæйы дæлбар. Иу дзы цавдон *(у),* иннæ та æнæцавдон *(с).* Фæлæ дыууæ компоненты дæр фонологон æгъдауæй æмбар, æмсæр куы уой, растдæр ахæм хъæлæсонты æмиуæдтæн ис схонæн æцæг *дифтонгтæ* (Л. Р. Зиндер, Общая фонетика, М., 1979, 210 ф.).

Уæдæ Л. В. Щербайы хъуыдымæ гæсгæ, ирон æвзæджы цы мырты æмиуæдтыл ныхас кæнæм, уыдон дыууæ хъæлæсон мыræй не сты конд,— иу хъæлæсонæй, кæцы райдайы, гъе та фæвæййы сонорон элементæй. Ахæм категорийы мыртæ парахатæй æмбæлынц ирон æвзаджы дыууæ диалекты æмæ ма ныхасыздæхтыты дæр.

Т. А. Гуриев

СЛЕДЫ ГРЕКО-СКИФСКИХ (АЛАНСКИХ) КОНТАКТОВ

1. Особой интенсивности греко-скифские контакты достигли ко второй половине I тыс. до н. э. В районах Причерноморья, имевших смешанное ирано-греческое население, формировалась своеобразная культура, но официальным языком городов был греческий [Ростовцев].

Эпиграфические материалы показывают, что скифы пользовались греческим письмом, а свои исконно иранские имена обычно оформляли греческими финалами, ср.: *Sorxakos, Fourtas, Kafas* и др. Греческим письмом предки осетин пользовались и позже, о чем говорят многочисленные факты, в том числе и надпись на известном Зеленчукском надгробном памятнике (датируется X—XII вв.).

2. Любопытные параллели мы находим в области мифологии. Многозначителен факт бытования греко-скифского мифа о проис-

хождении скифских царей от Геракла. Совпадение имен и образов осет. *Аминон* (привратника и судьи в Стране мертвых) и греч. *Minos* (одного из трех судей в царстве теней) налицо и вряд ли можно объяснить его игрой случая. Греческая легенда об Одиссее и Циклопе и осетинский кадаг об Урызмаге и Одноглазом великане также поражают сходством.

3. Специального рассмотрения заслуживают вопросы, связанные с хронологической стратификацией и тематикой заимствований. Слова типа *хœдон* «рубаха»<греч. *Xiton* «хитон», *фыр* «термин, обозначающий положение астрагала»<греч. *prenes* с тем же значением, видимо, были усвоены еще в античное время. Однако контакты между носителями двух культур не прерывались вплоть до позднего средневековья.

Имя идеального нартовского героя *Батраз* не старше XIII века, т. к. монгольское происхождение его первой части несомненно: монг. *Хабичи-баатар* дало в аланском *Хамыц* и *Батыр*+греч.-*as*. Ср. также имя другого нартовского героя *Тотраз*. Позже мода оформлять имена греческими финалами постепенно сошла на нет.

Gilbert Lazard

SUBJONCTIF ET OPTATIF EN OSSÈTE

Le systeme verbal de l'ossete comprend, à côté des formes d'indicatif et d'imperatif, trois paradigmes que la grammaire d'Abaev range dans le mode subjonctif. Ce sont, p.ex. du verbe *kalyn* 'verser' [lsg.] *kalin*, *kaldtain* et *kalon*. Historiquement les deux premières séries de formes dérivent de l'ancien optatif, la troisième de l'ancien subjonctif.

L'examen attentif des exemples cités par Abaev et Axvlediani et d'autres relevés dans des textes suggère de définir de la façon suivante les fonctions respectives de ces paradigmes. Malgré quelques chevauchements, ces fonctions semblent bien distinctes. La troisième série (type *kalon*) exprime la virtualité réalisable, c'est-à-dire réfère à des événements susceptibles de se produire dans l'avenir. Les deux autres (passe, type *kaldtain*, et présent, type *kalin*) servent surtout à exprimer l'irréel. Toutes sont employées aussi bien en proposition indépendante et en proposition subordonnée; dans les deux cas elles gardent leur valeur propre.

Ce système sémantique est dans l'ensemble tres semblable à celui du vieil-iranien et du moyen-iranien: en vieux-perse, en moyen-perse et en parthe, le subjonctif est le mode de la virtualité réalisable, l'optatif celui de la virtualité passée et de l'irréel. A cet égard, comme à bien d'autres, l'ossète se révèle très conservateur.

В. М. Гусалов

ОБ ОДНОМ ГРАММАТИЧЕСКОМ АРХАИЗМЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА: DATIVUS ETHICUS

1. Dativus ethicus (дательный падеж энклитических местоимений в выражениях типа *Dœ fydy dyn amardta mœlik* 'твоего отца [тебе] убил князь'), впервые отмеченный в осетинском Р. Штакельбергом [*Stackelberg, 1886, S. 19*], был квалифицирован акад. Г. С. Ахвледиани как «показатель зарождения в осетинском языке формы выражения объектного лица в глаголе» [*Ахвледиани, 1960,* с. *190*].

В свете современных представлений о грамматических структурах древних индоевропейских диалектов предположение Г. С. Ахвледиани о том, что Dat. eth. является одним из результатов взаимодействия грузинского (картвельских) и осетинского, не может быть принято. Уже наличие несомненных разновидностей Dat. eth. в авестийском должно было бы натолкнуть на размышления о другой природе обсуждаемого явления.

2. Употребление Dat. eth. в осетинском полностью идентично таковому, скажем, в славянских и балканских языках (см., в частности, весьма ценную работу на материале балканского языкового союза: *Цивьян 1984,* с. 79—86). Предполагаемая ссылка на то, что современная падежная парадигма осетинского есть результат преобразования старой флективной системы в агглютинативную под влиянием кавказской языковой стихии, в данном случае также была бы некорректной: значительные преобразования старой падежной системы наметились в иранском задолго до контактов скифов с картвельскими племенами.

3. Вопрос должен рассматриваться в связи с механизмом, который обусловил то положение, при котором «во всех индоевропейских языках существуют важные синтаксические отношения между дативом и генитивом и... во всех этих языках... падежные формы датива и генитива фигурируют в описаниях таких перифрастических отношений, которые вполне сопоставимы друг с другом в разных языках» [*Филлмор 1981,* с. 459—460]. Что касается иранского, то «тенденция к превращению генитива в универсальный объектный падеж наметилась еще в древнеиранском. Первым шагом на этом пути было присвоение генитивом функций датива» [*Абаев 1965,* с. 75]. В самом осетинском определенная взаимозаменяемость функций генитива и датива обусловила существование поссесивного дативa, имеющего прямое отношение к Dat. eth.

4. Рассматриваемый частный случай может вывести, как пред-

ставляется, на уровень архаичных грамматических структур; при этом разновидности Dat. eth. могут обнаружить характер реликтов особого свойства. Есть основания считать, что возникновением и сохранением в грамматической структуре языков явление обязано всего более не собственно структурным «потребностям» языка, а скорее факторам этнолингвистическим (подобно вербальному табуированию, проявляющемуся почти исключительно на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях). Главным из этих факторов следует признать идею *«интенционального владения»*, при котором «присвоен может быть не только вещественный объект, но и явление, эмоция, понятие и т. п., т. е. о с в о е н н ы м оказывается весь мир: точнее, он интериоризируется в локус данного объекта» [*Цивьян, op. cit.*, с. 83]. В связи с последним большой интерес представляют размышления В. И. Абаева по вопросам глоттогенеза, изложенные в работе «Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка».

А. А. Джиоева

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ И ИДИОЭТНИЧЕСКОМ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКА

1. Одной из наиболее характерных черт современной лингвистики является повышение интереса к изучению содержательного аспекта языка. Интерес к вопросам семантики характерен для работ В. И. Абаева, начиная с самых ранних и кончая исследованиями последних лет. Исходя из принципов объяснительной науки, В. И. Абаев выходит на такие важнейшие для современной лингвистики проблемы, как проблемы отражательного характера языка, языковой картины мира, языка и действительности, языка и мышления. Проникая вглубь содержательного аспекта языка, В. И. Абаев расчленяет семантику языкового знака, выделяя в нем идеосемантический компонент, т. е. тот, который не находит прямого коррелята в окружающем нас мире и который наслаивается на основной, денотативный компонент и создает, таким образом, специфику языкового знака.

2. Противопоставление универсального и идеосемантического прослеживается не только в лексической семантике. И хотя в лексике наиболее ярко проявляется отражательная сущность языка, его способность отображать мир, тем не менее данное противопоставление достаточно ясно прослеживается и на других уровнях.

В синтаксисе в соотношении универсального — идеосемантического превалирующее значение имеет универсальный ком-

понент, ибо универсально-языковое предопределено универсально-мыслительным, а принципы организации мысли, как известно, в значительной мере едины для всего человечества.

Если представить семантический слой синтаксиса в виде двухярусного образования, представляющего собой две ступени отражения в синтаксисе концептуальной картины мира, из которых первая соответствует явлению действительности и выступает как первичная ступень отражения картины мира (аналоговый уровень), а вторая — отражает то же явление, но уже на более высокой ступени, т. е. через преломление ее в сознании человека (логико-ориентированный уровень), то единицы аналогового уровня проявляют больше универсальных черт, а на логико-ориентированном уровне проявляется идеосемантика, хотя и здесь превалирует универсальный компонент. Это иллюстрируется на примере многочленного именного словосочетания (английского и осетинского). Идиоэтническое проявляется в позициях компонентов словосочетания, выступающих как семантически значимые и отражающих степень ингерентности признаков денотату ядра. Специфика проявляется и в наборе признаков.

3. На уровне морфологии, в сфере частей речи, первичные значения в основном проявляют универсальность во всех языках, ибо понятия предметности, признаковости, действия и т. п. во всех языках отражаются одинаково. Во вторичных значениях идиоэтническое проявляется более ярко. Так, в частности, в английском, осетинском, турецком и ряде других языков предметное по семантике существительное может приобретать значение признаковости. Наличие, однако, этого явления в ряде языков «ослабляет» идиоэтнический характер этого явления, или скорее, говорит о том, что исследование идиоэтнического в нескольких языках может приводить к установлению новых универсальных черт.

4. Наиболее ярко идеосемантика иллюстрируется в лексике. Словосочетание часто выступает как средство реализации идеосемантических свойств слова. Так, при сопоставлении семантики существительных со значением «материал» (в широком смысле) в английском и осетинском языках выявляется, что в своих первичных значениях (т. е. значении собственно «материала») эти существительные сходны, а во вторичных значениях проявляется идеосемантика каждого из них (см. у В. И. Абаева: *железная дисциплина* и *œndon disciplinœ*). Вместе с тем, в идеосемантике названных слов есть одна общая черта — при употреблении их в переносном значении в них всегда возникает оценочная сема (*gold heart*, *iron will*, *stone heart* — *syg̀zœrin adœjmag*, *zœldag nyxœstœ*).

5. Языковые единицы при отображении предметов, явлений, свойств окружающего нас мира сохраняют связь с ними, общность которых в мире позволяет создавать универсальное в языковой семантике и в Языке вообще. Отображение этих явлений, предметов и т. п. через преломление их в сознании людей позволяет создавать в языке, при опоре на это универсальное, идеосемантическое, создающее специфику и неповторимость каждого отдельного языка.

М.-Ш. А. Исаев

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКЕ И ИДИОМАТИКЕ ДАРГИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Моделирование картины мира даргинца обусловливает необходимость обращения к языковым источникам, важнейшим из которых для нас (из-за отсутствия древних письменных памятников) является язык фольклора. На даргинском материале подтверждается постулат о том, что язык фольклора выступает как компонент культуры этноса.

Значительные атрибуты картины мира даргинского этноса — национально-культурная и национально-языковая особенности — наиболее четко проявляются в сферах лексики, лексической сочетаемости, а также в малых жанрах фольклора: пословицах, поговорках, фразеологизмах.

Лингвистические средства недостаточны для извлечения из языка фольклора картины мира этноса. Интересующие нас единицы языка фольклора рассматриваются на стыке историко-этнографической, фольклористической и лингвистической дисциплин, т. е. наш путь в определенной степени проходит «от истории языка к языку истории» (В. И. Абаев).

Узловые проблемы истории и семантики языка на фоне истории народа могут быть успешно решены активным привлечением историко-лингвистического материала генетически родственных или территориально соседствующих других культурно-языковых образований, с которым по своему происхождению связан тот или другой народ.

Язык даргинского фольклора, узкодаргинские реалии и знания о них, порою очень ценная историко-этнографическая информация, обнаруживаемая в безэквивалентной лексике, представляют возможность говорить о единой системе языковой картины мира даргинца, о соотнесении семантики языковых единиц с «миром вещей».

Принципиальная связь структуры и семантики языка с культурой этноса подтверждается при диахронном исследовании этнокультурной лексики и реконструкции генетического значения метафорически переосмысленных слов, словосочетаний и идиом, извлеченных из языка даргинского фольклора.

Идиоматичность — антропологически обусловленное свойство языка. И в картине мира человека идиоматичность языка даргинского фольклора занимает одно из центральных мест. По существу любая идиома — модель, выполняющая в языке функцию, аналогичную словообразовательной модели, но более сложную, нестандартную, порою загадочную. Потому что в образовании модели идиом решающую роль играет экстралингвистический фактор. Описать технику образования идиом, т. е. показать полную десемантизацию компонентов и приобретение им совершенно нового значения, не имеющего решительно ничего общего со значениями составляющих идиому компонентов,— значит описать идиому как модель. Идиоматизация — получение новых знаний об окружающей действительности, которая сопровождается вкраплением в новое понятие признаков познаний действительности. Таким образом, в идиомах языка даргинского фольклора законсервирована модель картины мира, т. е. обнаруживается созданный древним даргинцем субъективный образ объективной реальности, что и является исходным материалом для понимания природы и сущностных свойств картины мира.

Обычаи, обряды, символы, принятые в разные эпохи коллективные оценки, некогда исчезнувшие из жизни, в образной форме законсервированы в языке фольклора и продолжают существовать. Язык фольклора — словно рудник исторических знаний и загадок, для объяснения которых опять же нужны усилия на стыке родственных дисциплин — фольклористики, этнографии, истории и, конечно, лингвистики.

Для анализа привлекаются такие произведения фольклора, которые безусловно могут быть отнесены к собственно даргинским, что подтверждается этнокультурным языковым материалом и характерным содержанием.

З. А. Носкова

АЛАНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА *ШЕЛК* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Многими исследователями *шелк* относится к заимствованиям из др. исл. *silki* «шелк», где слово является переоформлением лат. *sēricus* от лат. *sēres*, греч. Σῆρες «Китай», «китайцы».

Древние корни слова бесспорны, но путь непосредственного заимствования в русский язык вызывает сомнение. М. Фасмер

считает неприемлемой гипотезу о заимствовании древнерусского слова из какого-либо восточного языка ввиду наличия *Ш* и *Л* (Фасмер IV, 423—424). Но сам факт производства шелка на Востоке наталкивает на поиски другого источника заимствования слова.

Великий Шелковый Путь в древности и средние века соединял Китай — родину шелка и Римскую империю, а позднее Византию и проходил через Среднюю и Переднюю Азию. По нему со 2 в. до н. э. Китай вывозил шелк и шелковые ткани. Естественно предположить, что и на Русь эти товары попадали с юга. В этом свете актуально выглядит идея В. И. Абаева о лингвистческой реконструкции действительности, способности языка служить историческим источником (Абаев В. И. Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания.— М., 1968.— С. 35).

Памятники древнерусской письменности XV—XVII вв. сохранили многочисленные определения, обозначающие место производства шелка: шамахинский, бурский, гилянский, теврейской, фарабат, китайский. Они образованы от географических названий, которые позволяют определить пути экспорта товара на Русь.

Отсюда возможно предположение о заимствовании слова шелк с юга, через посредство аланского языка, фонетические особенности которого позволяют предположить переоформление *sēricus* в *шелк*. Это отмеченное исследователями характерное для аланского языка колебание в произношении переднеязычных сибилянтов от *с, з* до *ш, ж* в весьма широких пределах и непротивопоставление свистящих шипящим (Добродомов И. Г. Еще раз о славянских вариантах **sabja, *šabja* // Этимология 83.— М., 1985.— С. 90).

Следует заметить, что В. И. Абаев, исследуя этимологию древнерусского названия шелковой ткани *луданъ, лауданъ*, также отрицал западный источник происхождения слова и настаивал на заимствовании из зап.-кавк. (адыг.) *läudan* «вид шелковой ткани», «шелковый платок», буквально «шелк из Лоо (на берегу Черного моря, близ Сочи)» (Этимология.— М., 1963.— С. 116—119).

А. В. Лушникова

ВЕНГЕРСКО-ВОСТОЧНОИРАНСКИЕ АРЕАЛЬНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Тесные и длительные арио-уральские этнолингвистические контакты проявились не только в форме разновременных заимствований в уральских языках, но также, видимо, и в фонетике

в виде общих изоглосс звуковых явлений. В связи с этим заслуживает внимания высказанное положение о возможности объяснения ряда фонетических процессов древневенгерского языка (*p>f, *$-t-$>δ, *$k-$>h, *s>h>$\varnothing$; появление b-, d-, g-) иранским влиянием [Вереш, 1979]. Данное положение следует дополнить и уточнить в плане относительно-хронологической последовательности, ареала распространения и характера венгерско-иранских фонетических изоглосс.

1. Как известно, для диалектов общеиранского языкового континуума характерна последовательность переходов: а) ар., инд.-ир. *s>h; б) инд.-ир. *$\acute{s}$, *$\acute{j}/\acute{z}$, *$\acute{j}h/\acute{z}h$ (<ар. *$\acute{c}/\acute{s}$, *$\acute{j}$, *$\acute{j}h$<и.-е. *$\hat{k}$, *$\hat{g}$, *$\hat{g}h$)>*$\acute{s}$, *$\acute{z}$ (>вост. *s, *z) (ав. s, z; др.-перс.θ, d) [Эдельман, 1986]. Время действия указанных изменений — кон. II—нач. I тыс. до н. э.; распространение ираноязычных племен — степные и лесостепные районы Восточной Европы, Приуралья, Зауралья, Западной Сибири и Северного Казахстана. Относительная хронология переходов *s>h; *$\acute{s}$, *$\acute{z}$>*s, *z, проявившаяся в древней зоне вост.=ир. диалектов, обнаруживает ареальную и временную параллель в угорско-самодийской группе языков, для которых изменения а) *s>*ϑ (самод. *t, об.=уг. *t, венг. h>$\varnothing$); б) *$\acute{s}$>s признаются [Хелимский, 1982] общими ареальными изоглоссами в силу смежности территории распространения языков и народов (угры — лесостепь Западной Сибири; прасамодийцы — предположительно Нарымское Приобье) и совпадения времени действия (рубеж II—I тыс. до н. э.). Дальнейшее развитие в венг. * >h>$\varnothing$ ареально (алано-венгерские контакты) и по времени соотносимо с осет. *h (<ар. *s)>$\varnothing$ (кроме позиций перед i, u, где *h>x; *h^{υ} (<*$s\underset{\cdot}{u}$-)>x).

2. Для диалектов общеиранского характерно *ph, *th, *kh >*p/f, *t/ϑ, *k/x (кроме позиций после s и носовых). Унификация в артикуляции арийских звонких смычных придыхательных и непридыхательных отличалась разнонаправленностью в ареалах западных (по типу звонких непридыхательных) и восточных (по типу звонких придыхательных) диалектов общеиранского, приведшая к ар. *b, *bh, *d, *dh, *g, *gh>вост. β, δ, γ (при зап. b, d, g). Спирантизация и ослабление смычных в древней вост.-ир. зоне (более широкие по сравнению с западной) обнаруживают ареальную близость с аналогичными процессами в угор.-самод. группе языков, для которых отмечается тенденция к ослаблению артикуляционной напряженности и увеличению удельного веса спирантов, в частности, за счет трансформации смычных, т. е. (по *Collinder'y*, 1960) *k>kh, $h(x)$ (для венг. и диалектов манс., хант., ненец. и др.); *p>f, ph, h (для венг., нганас., энец. и др.). Для венг. закрепление *p>f, *k>h проис-

ходит под влиянием осетинского (в зоне алано-венг. контактов), где ир. **p*>*f* (однако скиф.-сарм. обнаруживает еще колебания в отражении **p* смычным и фрикативным), а также ос. *x*<ир. **k/x* (<**kh*); **k* (перед **s*, **s*, **r*).

3. Позднее для скифо-осет. отмечается тенденция к анлаутной интенсивности, выразившаяся во вторичном переходе **b*, **bh*>*v*>*b*; **d*, **dh*>δ>*d*; **g*, **gh*>γ>*q* [Абаев, 1949; Эдельман, 1986]. Из финно-угорских языков венг. и пермские характеризуются появлением звонких *b*-, *d*-, *g*-. Хронологически и ареально (Поволжье) данный процесс увязывается со скифо-осет. тенденцией к анлаутной интенсивности, дополняющейся озвончением интервокальных *p*, *t*, *k* [ср. В. И. Лыткин, 1964] о возможности становления перм. *b*-, *d*-, *g*- под иранским влиянием). Т. о., можно предположить различную степень глубины контактов в разных ареалах и в разное время.

И. Г. Добродомов

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧУВАШСКО-ОСЕТИНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Хотя Х. Шёльд в 1925 году со всей решительностью заявил об отсутствии достоверных сведений о контактах предков чувашей и осетин в прошлом, однако невыработанность позитивного объяснения некоторых наличных чувашско-осетинских лексических и других языковых параллелей заставляла В. И. Абаева в «Историко-этимологическом словаре» постоянно подчеркивать наличие чувашско-осетинских лексических параллелей и обращать на них особое внимание. Начавшийся более подробный анализ таких параллелей позволил установить их гетерогенный характер (См. мою статью «Некоторые осетино-чувашские лексические параллели» в межвузовском сборнике научных трудов «Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье», Чебоксары, 1988, с. 78—84). На основании аланской этимологии названия поволжского народа *буртӑс*, *бурдӓс*, *фурдӓс* (=осет. *фурд* «река»+*ас* «алан, яс») и наличия аланской фонетической черты (перехода по закону Андреаса сочетания *ри*>*ли*) у названия дерева *хӑлинг* в стране буртасов (из булгарск. *харынг*>чуваш. *хурӑн* «береза»; при названии *хадынг* в стране булгар), откуда и заимствованы и мордовские названия *березы*, предполагается алано-язычность буртасов, благодаря чему одна часть параллелей — чувашские слова, этимологизирующиеся на базе осетинского материала,— может рассматриваться как буртасские заимствования, которые

зачастую бывают представлены также и в других языках Среднего Поволжья. (См. об этом в статьях: Добродомов И. Г. Мордовское название березы и дерево *халинг* страны буртасов / Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов, т. 2, М., 1990, с. 57—59; Добродомов И. Г. Буртасский язык — исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье / Uralo-indogermanica. Балтославянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18—22 июня 1990, ч. II. М., 1990, с. 64—70 с перечнем всех выявленных буртасских слов в современных языках Среднего Поволжья и памятниках письменности). Аланским оказывается даже топоним *Казань* (тат. *Казан,* чуваш. *Хузан*<**Хазанг*>вост.-мар. *Озанг, Ожанг;* удмурт. *Кузон),* который во всех языках Среднего Поволжья носит явные булгаро-чувашские черты и восходит к буртасскому названию излучины (реки) типа осетинского *хадзон(œ)г* «кривая, ломаная (линия); крючок» с субституцией аффрикаты *дз* фрикативным *з* (см. подробнее в моем этимологическом этюде «Казань» в сборнике «Топонимика СССР». М., 1990, с. 45—53). Большой интерес представляет личное имя *Анбал* в одной кыпчакской эпитафии на левобережье Волги на кладбище «Ташбилге» села Иски Рязяп Куйбышевского района Татарской АССР (см. Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987, с. 110—111), которое необъяснимо на тюркской почве, но аланский его характер вне всякого сомнения, что позволяет думать о проживании буртасов и на левом берегу Волги.

Хотя наши сведения о буртасском языке чрезвычайно ограничены, у нас уже сейчас есть возможность назвать три черты, отличающие этот язык от осетинского: 1) замена исконного индоевропейского названия березы типа осет. *бœрз(œ)* булгарским заимствованием *харынг*>*хäлинг* в условиях поволжского культа деревьев; 2) слабый гласный œ в суффиксе *-œг* гораздо чаще выпадал, что привело к заимствованию слова типа *хадзонœг* в форме *хазанг* для названия местности, а потом реки и города: старое самоназвание казанских татар *казанлы* происходит от названия местности, а не города; 3) вполне допустимо, что в буртасском языке под влиянием языков Среднего Поволжья имелся заднеязычный носовой согласный *-нг* (возможно, только в конце слова). Более проблематично положение с сохранением согласного *n,* не перешедшего в *ф,* поскольку многие языки этого региона звука *ф* не отражают из-за отсутствия такого звука в их фонетическом строе.

Другая часть чувашско-осетинских лексических параллелей возникла в результате проникновения в осетинский язык отдель-

ных, пока еще плохо выявленных слов из языка (диалекта?) кубанских (черных) булгар, яркий пример чего находим в осетинском названии камыша *хъамыл* (представлено также в ряде других языков Северного Кавказа), которое в самом чувашском языке не сохранилось, будучи вытесненным кыпчакским заимствованием *хăмăш* (ср. татар. *камыш)*. Тщательный анализ булгаризмов в осетинском и в других языках Северного Кавказа дает в дальнейшем возможность выявить различительные черты языка кубанских (черных) булгар.

В обоих случаях нужно учитывать, что слово в один из сравниваемых языков могло прийти как непосредственно из другого, так и через посредство третьего языка. Если аланское название сельскохозяйственного орудия косы (осет. *цœвœг*) попало в чувашский язык *(сава)* непосредственно из буртасского языка и испытало чувашский переход тюркского *ч-*>*с-*, то чувашское название сыра *чакăт*, сравниваемое с осетинским *цыхт/цигъд*, своей архаической формой обязано посредству татарских диалектов *(чыгыт)*.

Третью группу среди чувашско-осетинских параллелей представляют такие слова, которые и в том и другом языках возникли в результате независимого заимствования из какого-нибудь третьего языка, как это имело место при заимствовании русского существительного *пакость*, из которого возникло в чувашском языке *пакăс* «пакость, погань; пакостный, поганый, нечистый», а в осетинском *фаджыс/фагус* «навоз, отбросы, грязь» с возможным кубанско-булгарским посредством.

Благодаря завершению четырехтомного «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева, где регулярно отмечаются интересные чувашско-осетинские лексические параллели, есть реальные возможности выяснить все источники таких встреч, причем при их исследовании важно опираться на материал не только двух сравниваемых языков, но и на материалы других языков, где представлены эти слова, поскольку заимствования обычно носят характер бродячих слов.

Г. Т. Бурчуладзе

ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКАЯ ЛЕКСИКА В «ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА» В. И. АБАЕВА

1. В многочисленных трудах крупнейшего исследователя осетинского и других иранских языков, общего и индоевропейского языкознания В. И. Абаева широко привлечены к анализу дан-

ные не только картвельских языков, но и горских иберийско-кавказских — абхазско-адыгских, нахских и дагестанских языков. Особенно это проявляется в его фундаментальной работе «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (в четырех томах).

2. Языковые данные иберийско-кавказских языков в указанном словаре часто снабжены соответствующим материалом по истории, этнографии и фольклору, т. е. реалиями истории культуры народов Кавказа в целом.

3. В словарных статьях В. И. Абаева под термином «Кавказские языки» обычно подразумеваются иберийско-кавказские языки. Рассмотренные автором данные лексики картвельских и горских иберийско-кавказских языков в совокупности, в одной плоскости, надо думать, является косвенным подтверждением того, что автор приемлет положения о генетическом родстве отмеченных языков.

Б. М. Атаев

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СИСТЕМЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ ВРЕМЕН ГОДА В ОСЕТИНСКОМ И ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Представление о календаре и соотвествующие обозначения времен года в языках народов Кавказа имеют свои отличительные особенности.

В специальной литературе отражены в основном две диаметрально противоположные точки зрения по вопросу о циклах календаря. С одной стороны, их сводят к современным понятиям «четырех времен года», с другой — к двухцикловому солнечному периоду: «зимний» и «летний» («холод» — «тепло»). увязывая исторически с культом солнца.

В любом случае, у народов Кавказа происходит дальнейшая конкретизация деления времен года на более мелкие периоды в соответствии с ареальными хозяйственно-климатическими особенностями и другими внешними факторами.

Так, учитывая хозяйственно-климатические особенности региона у осетин выделяется три основных цикла календаря: зимний, весенний, летне-осенний.

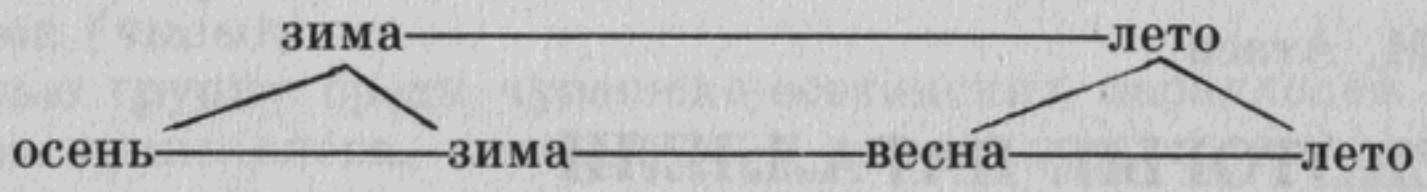
Исторически же у осетин между летом и зимой не было промежуточных сезонов; т. е. год делился на две части — теплое время *сœрд* «лето» и холодное время *зымœг* «зима». Исторически такое деление годового цикла вполне оправдано и поддерживается многими исследователями.

Современные обозначения «четырех времен года» в дагестанских языках, по всей видимости, также образуют более позднюю четырехчленную систему обозначений времен года, отличную от древней трехчленной (последняя, в свою очередь, возможно восходит к исходной двухчленной).

Основанием для такого заявления служит тот факт, что в некоторых современных языках наблюдается смешение таких понятий, как «зима-осень» (ср., с одной стороны, ботл., *ццибиру*, годоб. *ццибру* ... «зима»; с другой — бежтин. (тляд.) *сибиро*, анд. *сибиру* ... «осень»). Эта же основа *цциб-* обнаруживается в словах, обозначающих озимую пшеницу, например, чамал. *ццибакь*.

В некоторых словах лезгинской группы произошло смешение понятий «весна-лето» (ср.: агул. *хьид* весна» — табас. *хьад* «лето» и т. д.).

Предлагается следующая историческая схема обозначения времен года:



Лексический ряд таких антонимов, как «зима-лето», «холод-тепло», может осмысляться в исторических традициях как символизирующие атрибуты двух противоположных мировых начал, пронизывающих всю мифологическую и семантическую систему архаической модели мира.

З. Д. Джопуа

УДВОЕНИЕ ЭПИТЕТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ АБХАЗСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА

1. Удвоенные эпитеты предстают как своеобразная форма художественной определительности в системе эпитетики абхазского нартского эпоса. При удвоении эпитетов, путем обозначения двух свойств или признаков эпического адресата, определяемое понятие характеризуется как с реально-конкретной, так и с абстрактной стороны: два по-разному сочетающиеся эпитета с различных сторон определяют один адресат.

2. По своему составу и характеру сочетаемости удвоенные эпитеты разнообразны:

А. Определительное сочетание образуется двумя простыми эпитетами, самостоятельно связанными с эпическим адресатом (*аихат› хеа ду* — «большая железная стрела»). При этом першвый эпитет («железная») определяет реальное конкретное свойство предмета (он образуется относительным прилагательным), указывает на материал, из которого сделан тот или иной предмет и постоянно стоит на первом месте в словосочетании. Сравнительно редко он может обозначаться существительным и указывать на принадлежность или собственно внешний облик определенного понятия (*ага уарба ду* — «большой береговой ворон»). Второй эпитет («большая»), выражающий оценочный аспект, носит более абстрактный собирательный характер (образуется качественным прилагательным) и неизменно выступает после определяемого слова. Он служит организующим компонентом художественно-определительного сочетания.

Б. В определительном ряду один из эпитетов характеризует или усиливает значение другого, непосредственно связанного с эпическим адресатом. Смысл эпитета, определяющего наиболее характерный признак предмета, более конкретен и занимает ближайшее с ним место. Значение следующего эпитета, связанного с первым, предстает неопределенным и употребляется после основного эпитета. Такое определительное сочетание состоит из оценочных эпитетов, выраженных качественными прилагательными: *ахуы харак-ду* «холм-высоко-большой». Здесь основным эпитетом, раскрывающим существенный признак определяемого понятия (холм), выступает прилагательное «высокий», а эпитет «большой» еще больше усугубляет значение первого. Основой конструкции такой разновидности удвоенного эпитета служит оценочное определение с его синонимом. Реже сочетаются сами синонимические определения. Причем один из двух синонимов может быть перенесен в управляемую позицию по отношению к соседнему (*амш цәгьа-баапс* — «погода-страшно-ужасная»).

В. Основной (уточняющий) эпитет заменяется атрибутивной группой слов: эпитет — «описательное» определение сочетается с оценочным определением. Атрибутивный ряд (субстантивно-глагольная синонимия) также конкретно выражает «реальные качества» эпического адресата (*уаса-шәк'зк уаз ақуаб ду* — «большой котел, вмещавший сто баранов»).

Как и в названных разновидностях, здесь организующим компонентом определительной группы выступает оценочный эпитет («большой»). Но иногда в этой функции употребляется и эпитет, показывающий материал, из которого сделан предмет (*аж›ван ақын›а ина›о ац›ца бааш* «хрустальный замок-до небес»). Также в некоторых случаях атрибутивная группа встречается

и при наличии заменяемого ею эпитета в определительном сочетании. В подобных случаях определительный ряд может иметь вид уточняющего повтора. Он строится на основе сравнения или содержит в себе сравнительный оттенок (*уаъ кьае — хучӏык, закы дикам* — «некий человек — низко-маленький, ростом меньше пяди»).

3. Своеобразие удвоенных эпитетов заключается в том, что все простые и «описательные» определения в данном случае сочетаются по-разному. Они одновременно повторяются при определении одного адресата. Например, встречаются отдельно — «большой дом» и «каменный дом», но при их сочетании получаем: «большой каменный дом».

И. Х. Абдуллаев

К ИСТОРИИ ОДНОГО ИРАНИЗМА В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В дагестанских языках названия дней недели в большинстве своем восходят к арабским, ср.: авар., дарг., лак., табас, итни, лезг. *ислен* «понедельник» (араб. *аль-иснайн);* авар., дарг., лак. *алхӏат,* табас. *элгьет,* лезг. *гьед* «воскресенье» (араб. *аль-ахӏад)* и др.

2. Название пятницы (праздничного дня у мусульман) в дагестанских языках встречается в двух разновидностях.

В одних языках оно увязывается с араб. *аль-джумъат* «пятница»: дарг. *жумягӏ,* лезг. *жуьмя,* табас. *жвуми,* агул. *жумяаь,* цахур. *улжум,* рутул. *улджумат,* авар. (закат. д.) *гӏулжум* (наряду с *мужмар)* «пятница, коллективная пятничная молитва в мечети».

В других языках в качестве названия пятницы выступает не связанное с арабским и этимологически «темное» слово: авар. *рузма (рузман, ружман, мужмар, бужмар),* анд. *рузмал (рузман, рузума, рузман),* дидойск. *мужмар (нужбар, мужбар),* лак. *нужмяр (ружмяр, лужмяр, дужмяр, нужбяр),* арчин. *нюбжал (ружмал, лужмар, нюзмал),* дарг. *нужбяр* (цудах., мегеб. д.), *ружма* (чирах.д.) «пятница, пятничная молитва в мечети» и (в лак., арчин.) «неделя».

Подобный календарный термин в других языках Кавказа и сопредельных территорий не встречается, он отмечается лишь в ряде Центрального и Северо-Западного Дагестана и является специфическим дагестанизмом — ареальным регионализмом. Видимо, этот термин с таким фонетическим обликом и семантической спецификацией оформился в дагестанских языках в ре-

зультате их взаимовлияния и взаимодействия, хотя основа была неисконной.

3. Все приведенные варианты этого названия группируются вокруг аварских и лакских форм. Из аварского языка название проникло в андийские и дидойские языки, а из лакского в арчинский и в даргинские диалекты.

Эта же лексема из дагестанских языков, вероятно, из аварского вошло в вейнахские языки в качестве одного из культовых терминов: чеч., ингуш. *рузба* «пятничная общественная молитва в мечети» (ср. перс. *дарман* — чеч., ингуш. *дарба* «лекарство»).

4. Исходные для ряда дагестанских языков варианты названия соотносимы меж собою и являются по происхождению этимологическими дублетами, восходящими к общему источнику.

С учетом характерных для дагестанских языков, в первую очередь аварского и лакского, фонетических процессов, для приведенных выше вариантов исходной может быть признана основа **рузмар*. Однако она имеет явно не дагестанский и не кавказский облик.

5. Поиски соответствующей основы ведут в иранский мир, в частности начальное *руз-* в основе соотносится с перс. *руз* «день». Сама же предполагаемая основа **рузмар* увязывается с перс. *рузи мегър* (уст.) «воскресенье» (букв. «праздничный день»). Эта основа в дагестанские языки вошла в виде **рузмар*, которая в различных языках и диалектах подвергалась существенным фонетическим изменениям.

В дагестанские языки термин проник, вероятно, еще до окончательной исламизации Дагестана, а впоследствии же был перенесен на праздничный день мусульман — пятницу.

Увязка приведенных выше дагестанских названий пятницы с перс. *рузи джоме* «пятница» (наряду с *адинэ)* встречает ряд препятствий, хотя не исключена возможность влияния этого названия и араб. *джумъа* на оформление и «создание» специфического дагестанского названия для пятницы.

Е. Е. Кузьмина

НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОИРАНЦЕВ

1. Анализ осетинского языка позволил В. И. Абаеву выявить индоиранское происхождение целого пласта лексики, в частности, связанной с материальной культурой.

2. Возможность сопоставления лингвистических данных с археологическими реалиями делает осетинские материалы важнейшим источником решения спорной проблемы о месте и времени формирования индоиранской общности, частью которой являются язык и культура осетин.

3. Большой дом осетин *(ныккœнд)* с коньковой крышей с опорным столбом *(астœуыккаг ахœрœг)* или пирамидально-ступенчатым сводом сопоставим с жилищем сако-скифов (VIII в. до н. э. — IV в. н. э.) и с большим домом оседлых пастушеских племен евразийских степей XVII—VIII в. до н. э. срубной и андроновской культурных общностей. Осетинская домостроительная традиция и терминология восходят к индоиранским, сохранившимся в Авесте (Ардвисур Яшт V, 101), Ригведе и Атхарваведе (III, 12; IX, 3), проанализированным Л. Рену (1930), В. А. Лившицем (1963), В. Рау (1983), Т. Я. Елизаренковой (1989).

4. Названия частей костюма осетин: шапка, бурка, куртка, штаны, пояс, сапоги восходят к индоиранской общности (Абаев В. И., 1949; Бейли Х., 1955) и по покрою аналогичны скифским и срубно-андроновским.

5. Название двухколесной арбы *(уœрдон)* восходит к древнеиранскому и заимствовано в абхазский, чеченский и ингушский, а конструкция арбы и саней с ярмом *(дзонығъ)* — к типам колесного транспорта евразийских степеней III—II тыс. до н. э.

6. Нартовский эпос свидетельствует о знакомстве предков осетин с конной колесницей и культом коня и колеса (Балсага). Археологические реалии позволяют отнести сложение этих мифологем к XVII в. до н. э. — времени появления конных колесниц и формирования их культа в Евразийских степях (захоронения при воинах-колесничих, изображения на петроглифах и в пластике).

7. Названия элементов вооружения в осетинском языке (Абаев В. И.; 1949; Бейли Х., 1954) имеют индоевропейские истоки; в нартовских сказаниях фигурируют волшебные чаша и оружие. Сложение этого круга представлений фиксируется в Евразийских степях на памятниках срубно-андроновской общностей, начиная с XVII в. до н. э. и может быть, раньше — в ямной культуре.

8. Названия некоторых предметов осетинского быта и ремесла имеют индоиранские истоки, а сами предметы восходят к прототипам бронзового века Евразийских степей. (К сожалению, ввиду исчезновения к XIX в. в Осетии традиций гончарства этот весьма информативный источник не может быть использован).

9. Комплексный диахронный метод изучения материальной культуры осетин позволяет возвести ее к XVII—XVI вв. до н. э., генетически связать со срубной и андроновской общностями и

локализовать прародину индоиранцев в Евразийских степях, откуда они позднее расселились на Кавказ, в Среднюю Азию, Иран, Афганистан и Индию.

10. Комплексный кросскультурный анализ позволяет выявить культурное воздействие предков осетин на другие народы Кавказа и, вместе с тем,— процессы ассимиляции и обратные воздействия в приспособлении к новой экологической нише, что служило прогрессу цивилизации.

Д. С. Раевский

СКИФСКОЕ ОБЩЕСТВО И ТРЕХФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ж. ДЮМЕЗИЛЯ: ПАРАДОКС ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1. История и культура скифов принадлежит к тем областям гуманитарного знания, в развитие которых труды Василия Ивановича Абаева внесли особенно заметный вклад. Наряду с очерком «Скифский язык», создание которого позволило преодолеть «немоту» этого бесписьменного древнего народа и открыло возможности принципиально новых подходов к скифским древностям, следует назвать не менее значимое исследование о семибожном пантеоне скифов как об одном из вариантов традиционного индоиранского семибожия, наблюдения, касающиеся сохранившихся в передаче греко-римских авторов фрагментов скифского фольклора, и многие иные специальные работы или попутные экскурсы, составившие целую эпоху в скифологии.

2. Одно из недавних обращений В. И. Абаева к этой тематике касается проблемы социальной организации скифского общества. Исследователь отмечает в этой связи, что эпоха античности застает скифов на том уровне развития, когда у них «начинает формироваться трифункциональная (со временем — трехкастовая) структура с выделением привилегированной (обычно фамильной) группы жрецов и военных вождей», в результате чего «общество приобретает ту трифункциональную структуру (жрецы — военные вожди — труженики), которую так красноречиво описал в ряде работ проф. Ж. Дюмезиль».

3. То, что подобная структура была присуща скифскому обществу, детально доказано в ряде специальных исследований, в частности в работе Э. А. Грантовского. Вместе с тем в литературе уже отмечалось (Л. А. Лелеков), что тезис В. И. Абаева хорошо согласуется с фактическими данными по истории скифов, но одновременно возникают определенные трудности при его

согласовании с концепцией Ж. Дюмезиля в целом. Как известно, ее создатель относил формирование тернарной структуры общества у всех индоевропейских народов к эпохе их единства, а у скифов признавал существование лишь окаменевших рудиментов этой древней схемы, тогда как гипотеза В. И. Абаева трактует ее появление у скифов как новацию второй четверти I тысячелетия до н. э.

3. Подобные противоречия при анализе концепции Ж. Дюмезиля касаются не только скифской проблематики, но имеют более общий характер. С одной стороны, несомненно наличие общих мотивов в мифологическом обосновании генезиса трехфункциональной структуры и общность соотнесенной с социальными группами символики у разных индоевропейскх народов, что и свидетельствует о ее едином происхождении и глубокой древности. С другой стороны, правомерны сомнения в существовании социально-исторических предпосылок для ее возникновения на столь ранней стадии (И. М. Дьяконов).

4. Устранить это противоречие позволяет внимание к мифологической природе концепции трех функций и то обстоятельство, что эта концепция видела в социальной структуре одну из реализаций универсальной космологической модели. Сама же эта модель и ее мифологическое обоснование складывались на достаточно ранней стадии культурной истории. Она служила инструментом осмысления и структурирования самых различных явлений реального мира, в том числе и вновь возникающих. Поэтому каждое индоевропейское общество, подошедшее к порогу социальной стратификации, не только неизбежно осмысляло ее в духе тернарной космической модели, но и, следуя присущему архаическому мышлению закону построения семантических рядов, увязывало этот новый контекст со всей совокупностью иных мифологизированных реализаций этой модели, а соответственно— и с их знаковыми выражениями. Отсюда близость мифологического осмысления социальных структур, возникающих вполне автономно и даже в разное по абсолютной хронологической шкале время. В полной мере сказанное относится к истории скифского общества и его трехчленной стратификации.

М. Н. Погребова

О ХАРАКТЕРЕ СКИФСКИХ ПОХОДОВ ЧЕРЕЗ КАВКАЗ

1. Походы скифов через Кавказский хребет в Переднюю Азию давно привлекают внимание исследователей как одна из древнейших заметных страниц истории этого народа. Однако

каким бы то ни было выводам об историческом значении этих походов должен предшествовать анализ характера их, поскольку от этого зависит понимание того, какую роль могли они сыграть в социальной, политической и культурной жизни как самих скифов, так и взаимодействовавших с ними народов.

2. Сведения о переднеазиатских походах скифов черпаются из восточных текстов и сочинений античных авторов. Однако источники первой группы, хотя и имеют то достоинство, что синхронны описываемым событиям, предельно разрозненны, фрагментарны и неполны. Античные сведетельства, напротив, характеризуются смысловой целостностью, но зато принадлежат к ретроспективным повествованиям и в значительной мере обработаны в духе исторической традиции греко-римского мира. Поэтому возможность на основе даже комплексной их интерпретации как воссоздания связной событийной канвы, так и оценки характера и значения походов представляется достаточно ограниченной.

3. Существует и устойчивая практика привлечения в этом контексте археологических данных, но как правило в них ищут лишь подтверждений упомянутым нарративным свидетельствам. Однако ценность этих данных в гораздо большей мере определяется тем, что они позволяют осветить аспекты проблемы, не поддающиеся изучению по вербальным источникам.

4. К представляющим интерес в этом контексте археологическим материалам принадлежат немногочисленные комплексы и отдельные находки скифского облика из Передней Азии, скифские материалы из урартских памятников, так называемый скифский пласт известной коллекции из Зивие и, наконец, погребения из некоторых районов Закавказья, содержащие достаточно многочисленные скифские черты.

5. Изучение всех этих материалов приводит к выводу, что походы обитателей юга Восточной Европы через Кавказ, занявшие более столетия, осуществлялись по разным маршрутам и были неоднотипны. Большинство скифских походов, имевших характер челночных перемещений воинских групп между Предкавказской «метрополией» скифов и землями к югу от Кавказского хребта, сопровождались достаточно интенсивным внедрением этих воинов в местную среду, что, впрочем, коренным образом не изменяло общей этнической ситуации в охваченных этим процессом областях. В передвижения скифов были втянуты и определенные контингенты местного населения. Зона наиболее активного взаимодействия скифов с аборигенами локализуется на пространстве от Прикубанья и Центрального Предкавказья до озера Урмии. Именно на этой территории и в это время

сформировался специфический раннескифский культурный комплекс, прежде всего — столь яркий его элемент, как искусство звериного стиля.

6. Иной характер — стремительных военных рейдов, практически не оставивших археологических следов,— имели ранние проникновения обитателей юга Восточной Европы через Кавказ, относящиеся к так называемой предскифской («киммерийской») эпохе. Сходным в более позднее время был наиболее подробно описанный античными авторами поход Мадия.

7. Археологические материалы, относящиеся к рассматриваемой теме, свидетельствуют, что переднеазиатские походы оказали значительное воздействие на скифское общество не только в сфере культуры, но и в области социально-политической, ускорив процесс стратификации этого общества.

Ю. С. Гаглойти

САРМАТЫ И КАВКАЗЦЫ

1. Взаимоотношения сарматов с горскими племенами Центрального Кавказа являются одной из важнейших проблем этнической истории Северного Кавказа на рубеже н. э. Органической частью этой сложной проблемы является вопрос о времени и условиях проникновения сарматских племен в горы Центрального Кавказа, от Дарьяльского ущелья на востоке до верховий Кубани и Лабы на западе, и соотношение между терминами «сарматы» и «кавказцы» в рассматриваемый период. В сарматоведении вопрос о проникновении сарматов в горы Центрального Кавказа, как правило, подменяется вопросом о времени и условиях появления алан на Северном Кавказе, причем аланы противопоставляются «местным» племенам чуть ли не до эпохи развитого средневековья.

2. Судя по данным письменных источников, последние века до н. э.являются временем интенсивного проникновения сарматских племен в горы Центрального Кавказа. На рубеже и в I в. н. э. фиксируют в этом регионе, в том числе и на его южных склонах, целый ряд сарматских племен. Это, в первую очередь, *эпагерриты* в верховьях Кубани — «сзади Питиунта в Кавказских горах»» (Плиний, VI, 15) и *аорсы («савроматы»)* к востоку и к северо-востоку от них. Аорсы непосредственно соседили с *талами (туалами — двалами)*, занимавшими территории от Кавказских (Сарматских) ворот на востоке до границ сванов на западе. В то же время здесь обитали и скифские

племена — исседоны, в соседстве с колхами; меланхлены, гелоны, леги и гелы. К рубежу н. э. часть скифо-сарматских племен занимала горную часть Иберии (Страбон, XI, III, 3).

3. Племена Центрального и Западного Кавказа, общим торговым домом для которых являлась Диоскуриада, куда сходились до семидесяти «народностей», Страбон называет собирательным именем «кавказцы», большая часть которых принадлежала, по его словам, к «сарматскому племени» (XI, II, 16). Страбон чётко отделяет географический термин «Кавказцы» от этнического «сарматы», называя кавказцами главным образом племена Центрального и Западного Кавказа, независимо от этнической принадлежности. Тесная связь сарматов с Центральным Кавказом ясно подтверждается и данными Клавдия Птолемея, который наряду с северокавказскими племенами в состав Азиатской Сарматии также включает племена Центрального Кавказа и его южных склонов — *уалов, тусков, дидуров, свано-колхов,* а границей между Сарматией и Колхидой называет р. Коракс (Кодор), локализуемую на южных склонах хребта. Эта же традиция чётко прослеживается а «Армянской географии» VII в., которая в состав Азиатской Сарматии включает аланско-осетинские, вайнахские, дагестанские и горские племена Западной и Восточной Грузии.

4. К «кавказцам» Страбона, по-видимому, восходит и термин *кавкасиани-кавкасни* (кавказцы) грузинских источников, которым обозначалось преимущество население Центрального Кавказа. Согласно Леонтию Мровели, первоначально кавкасианами назывались потомки Кавкаса, одного из этнархов кавказских народов, однако с появлением здесь в результате скифских вторжений VIII—VII вв. до н. э. *«овсов»* этот термин распространяется и на них. Родоначальник *«овсов»* Уобос получил «часть страны Кавкаса, к западу от р. Ломеки (верховья Терека) до западных пределов (Кавказских) гор. И поселился здесь Уобос, потомками которого суть овсы. И это есть Овсетия, которая была уделом Кавкаса». Обозначение кавкасианами жителей Центрального Кавказа, независимо от их этнической принадлежности, опровергает бытующее в кавказоведении мнение о том, что под кавкасианами грузинских источников подразумеваются исключительно вайнахские племена (В. Н. Гамрекели, Г. В. Цулая). Начиная с эпохи раннего средневековья («Мокцевий Картлисай») и кончая Вахушти Багратиони, кавкасианами обозначались жители Центрального Кавказа, независимо от их этнической принадлежности, в первую очередь — овсы (осетины) и вайнахи, а позднее и балкарцы-басианы, процесс тюркизации которых еще не был завершен.

А. И. Иванчик

К АНАЛИЗУ РАССКАЗА ГЕРОДОТА ОБ ИЗГНАНИИ КИММЕРИЙЦЕВ ИЗ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Говоря о появлении скифов в Северном Причерноморье, Геродот приводит ряд версий этого события, однако сам считает достоверным рассказ о том, что скифы пришли на эти земли, вытеснив живших здесь ранее киммерийцев (I, 103—104; IV, 11—12, ср. IV, I; VII, 20). По-видимому, этот рассказ заимствован Геродотом из письменного, а не устного источника. В источнике Геродота он был, видимо, органически связан с изложением истории Мидии. Логографическая литература ко времени Геродота не была многочисленной, так что представляется возможным определить источник заимствования рассказа об изгнании киммерийцев. По ряду соображений сочинения Дионисия Милетского, Гелланика Лесбосского, Ксанфа Лидийского и Харона Лампсакского, дававшие сведения по истории Мидии, не подходят как источники Геродота. Наиболее вероятно, что данный рассказ заимствован им у Гекатея Милетского. Весь рассказ, видимо, является ученой теорией Гекатея, а устные предания скифов и припонтийских греков ничего не сообщали о киммерийцах. Гипотеза Гекатея связывала воедино ряд известных ему разрозненных сведений о киммерийцах и скифах, в том числе данные о «киммерийской» топонимии. «Киммерийская» топонимия Боспора, существование которой было одной из основ гекатеевской гипотезы, подразумевает бытование среди боспорских греков какой-то фольклорной традиции о киммерийцах. Узкая локальная ограниченность этой топонимии заставляет предполагать и узкие пространственные рамки бытования данной традиции. Заимствованный у Гекатея сухой рассказ об изгнании киммерийцев Геродот дополняет красочной новеллой о гибели киммерийских царей. Эта новелла приурочена уже не к Боспору, а к окрестностям Тиры и, видимо, была известна Геродоту непосредственно от тирских или ольвийских эллинов. В свою очередь эта новелла, по-видимому, восходит к скифскому фольклору. Новелла Геродота о взаимном истреблении киммерийских басилеев имеет достаточно близкие параллели в осетинском нартовском эпосе (сюжет о гибели нартов), что является дополнительным подтверждением ее скифского происхождения. Однако в первоначальном скифском варианте новеллы киммерийцы, видимо, вовсе не упоминались, а их появление в тексте является результатом обработки фольклорного сюжета греками.

В. Б. Ковалевская

АЛАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

1. Для второй половины IV — первой половины V века мы имеем почти о каждом годе сведения относительно пребывания и передвижений алан на пространстве от Рейна (31 декабря 406 г.) до Пиренеев, а позже — до Северной Африки и об активном их участии в жизни Западно-Римской империи на территории Галлии, Испании, Британии и Северной Италии (аланы Гоара, Респендиала, Самбиды, Эохара). Далеко не всегда столь краткий период существования народа в чуждом окружении и на новой для него территории так хорошо документирован различными источниками, причем настолько, что удается осуществить перекрестное использование данных разных научных дисциплин — истории, археологии, лингвистики, палеоантропологии, географии, этнографии и т. д.

2. Данные различных авторов (Аммиана Марцеллина, Иордана, Констанса Лионского, Проспера Тиро, Полина из Пелн, Сидония, Сальвиэна, Виктора и многих других) позволяют определить те районы Галлии и те промежутки времени, которые связаны с усиленной деятельностью алан (Сена, Луара, Арморик, Пиренеи, в наименьшей мере — Прованс). Сарматы появились в Галлии уже в IV в., их кавалерийские подразделения (5 500 всадников) были переведены Марком Аврелием на стены Адриана в Британии во II в., в Риме известны аланские военачальники (Савл, Аспар, Ардабуриас), консулы (Ард). После 407 г. на протяжении 50—60 лет аланы активно участвовали во всех событиях международной жизни. Недаром в Церковной истории Ненния Алан, введенный в библейский генеалогический ряд, является эпонимом Европы.

3. Использование археологических материалов при изучении эпохи переселения народов в Западной Европе имеет давнюю традицию (М. Ростовцев, Э. Салэн, Бенингер, И. Вернер, В. Пудовин, В. Кузнецов), получившую развитие в странах Запада в самые последние годы (Г. Вернадский, М. Роблэн, Е. Фурниал, Д. Шорш, М. Казанский, Д. Кидд) и воплотившуюся в новые музейные экспозиции, ряд международных симпозиумов, в издание новонайденных и переиздание старых памятников, в систематизацию массовых материалов и т. д. Отдельные этнодифференцирующие признаки (прежде всего в украшениях — фибулы, пряжки, серьги, а также зеркала, некоторые детали оружия) легли на карте как раз на те территории, где по историческим свидетельствам документировано пребывание алан.

Карты палеоантропологических свидетельств (характерная для алан искусственная деформация черепов) также совпали с данными двух рассмотренных выше групп источников (И. Вернер, Л. Бюше, М. Казанский).

4. Еще одна рассмотренная нами группа источников — данные топонимики. Как писал В. И. Абаев, «топонимика и сама по себе представляет важный исторический источник, но ее значение неизмеримо возрастает, когда топонимические обследования сочетаются с археологическими, антропологическими и ареально-лингвистическими» (В. И. Абаев, 1965, с. 42). В докладе предлагается серия карт, где отмечено несколько сотен этнотопонимов, включающих в себя этноним *сармат, алан,* антропонимы *Эохар, Гоар, Самбида, Аспет,* ираноязычные основы *дан, дур, асп* и т. д. (с использованием топонимических словарей, карт, работ Б. Бахраха, Г. Вернадского, Бурнацциати, А. Доза, Д. Джонсона и т. д.).

5. Особое место занимают попытки выявить вклад алан в историю и культуру Западной Европы V—VI веков. Они стали частью средневековой аристократии, войдя в класс «потенциорес». В Арморике в VI в. сохраняется аланский язык и продолжают использоваться аланские имена (Алан, Гоар, Аспидий, Герасп); конница сохраняет степные традиции — стрельбу с коня, тактику ложного бегства). Интересна связь легенд о короле Артуре и его рыцарях с событиями V в., происходившими в Арморике, причем сочетание в образе Артура черт героя и антигероя приводит исследователей к мысли, что антигерой имеет прототипом аланского короля середины V в. Сближают Артура с аланами культ меча, конское защитное вооружение; рыцари Артура больше всего напоминают сарматских катафрактариев, сходен и экстерьер их коней.

К. Г. Догузов

АЛАНЫ В ИРАНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЙНАХ НА КАВКАЗЕ

1. В VI в. Кавказ и прилегающие к нему области стали ареной ожесточенных ирано-византийских войн. Борьба двух держав, во многом определявшая их восточную политику, носила сложный, противоречивый характер. В такой ситуации особо важным для враждующих сторон было привлечение в качестве союзников народы, населявшие Кавказ и контролировавшие гор-

ные проходы, что успешно решалось благодаря дипломатическим усилиям воюющих сторон.

2. В крупный военный конфликт оказались втянуты аланы — наиболее многочисленное и мощное объединение на Северном Кавказе, выступавшие как на стороне Ирана, так и Византии. Наиболее полно характеризуют и оттеняют их роль совершенно независимого и щедро субсидируемого партнера византийские авторы VI в., нередко упоминавшие о них в связи с военными действиями в Лазике.

3. Значение алан как военного союзника, в частности, для Константинополя, отражено в сочинениях Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского. Агафий, в частности, описывает события, связанные с попыткой византийцев пёредать крепость мисимиан Бухлоон аланам. Эта миссия была доверена византийскому военачальнику Сотериху, привезшему субсидии союзным варварам. Наиболее существенным в этом эпизоде считается требование Сотериха о передаче Бухлоона, между тем немаловажным остается вопрос, касающийся денежных субсидий, так как в тексте источника не упоминается, кому конкретно они предназначались.

4. В сочинении Прокопия, подробно описавшего ирано-византийские войны, имеется сообщение, позволяющее ответить на этот вопрос. Прокопий отмечает, что Губаз, правитель Лазики, выступавший на стороне византийцев, договорился с аланами и савирами о том, что Юстиниан выплатит им три кентинария золота (21.600 номисм), за охрану границ Лазики от персов и опустошение Иверии. Однако из-за неотложных дел Юстиниан не отправил эту сумму вовремя. В ходе военных действий в Лазике Губаз стал жертвой заговора и был предательски убит византийскими военачальниками. Расследование инцидента показало, что Губаз был оклеветан. На его место в Лазику был направлен его преемник Цафий (Цатэ), прибывший туда вместе с Сотерихом, который и привез императорские субсидии аланам и вознагрраждение лазам. Общая сумма составила 28.800 номисм, немногим более тех кентинариев.

5. Исходя из вышеизложенного, можно предположить:

— субсидии, привезенные Сотерихом, равно как и сумма, предложенная царем лазов Губазом за охрану границ Лазики аланам, есть одно и то же;

— исходя из задач, которые брали на себя союзники лазов аланы, можно судить об их значительном военном потенциале и о выгодной географической локализации, что в условиях данной войны подразумевает контроль над горными проходами и как результат этого — способность влиять на ход весьма серьезного и крупного военного предприятия — ирано-византийских войн.

Л. А. Чибиров

В. И. АБАЕВ И ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН

1. Своими фундаментальными исследованиями по скифологии В. И. Абаеву с большой убедительностью удалось доказать непосредственную этногенетическую связь скифов с современными осетинами, возвести истоки земледельческой культуры осетин к скифской эпохе. В частности им доказано, что большая группа важнейших земледельческих терминов в осетинском языке (колос, урожай, борона, штифт, мельница, ярмо, серп, ступа для толчения, соха и др.) являются заимствованием из европейских языков через западноскифское посредство.

2. До недавнего времени в вопросах изучения хозяйственного строя у скифов ученые опирались на утверждение Геродота о делении их на скифов-кочевников, скифов-пахарей и скифов-земледельцев. Между тем, хотя противопоставление «пахарей» и «земледельцев» вызывало недоумение у специалистов, только В. И. Абаеву удалось показать его бессмысленность, установить, что приднепровские скифы не были «земледельцами», а племенами, для которых был характерен культ *скота*.

3. Несомненная заслуга В. И. Абаева и в том, что ему удалось уточнить время установления контактов скифов с западным миром, а, следовательно, и возраст земледельческой культуры. На основе убедительных осетино-латинских лексических параллелей ученым установлено, что первые контакты скифов с европейским миром произошли в середине II тыс. до н. э., а не в VIII—VII вв. до н. э. К этому же времени следует возводить знакомство западных скифов с земледельческой культурой европейских народов.

4. Таким образом, в окончательном решении важнейшей в историческом осетиноведении научной проблемы генезиса земледельческой культуры, наряду с данными археологии, этнографии, фольклора, решающую роль сыграли лингвистические изыскания В. И. Абаева.

Б. А. Калоев

РОЛЬ ДРЕВНЕИРАНСКОГО КОМПОНЕНТА В БЫТУ И КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

1. Общеизвестен интерес к проблеме культурного наследия древних иранцев в различных областях жизни многих народов нашей страны, в том числе Кавказа.

2. Ираноязычные скифы, как и генетически родственные им сарматы и аланы, живя на Северном Кавказе со времен своего вторжения в Переднюю Азию (VII в. до н. э.), находились в постоянном общении со своими соседями, обмениваясь с ними хозяйственными и культурными достижениями.

3. Скифский период на Северном Кавказе характеризуется появлением плужного земледелия с применением орудий труда из железа, а также распространением основных хлебных злаков (пшеницы, ячменя, проса). При средневековых аланах земледелие достигло повсюду большого развития; земля обрабатывалась в горах и на равнине различными пахотными орудиями, а том числе тяжелым плугом, о чем свидетельствуют археологические находки некоторых его частей в аланском городище в верховьях Кубани.

Возможно, что тяжелый плуг был создан усилиями алан и адыгов, близких соседей их на западе, которые сохранили его и после татаро-монгольских войн, живя на равнине. Скифский период у северокавказских племен характеризуется дальнейшим развитием скотоводства, появлением в стаде лошади и ее широкого применения в хозяйстве. Таким образом, древним иранцам мы обязаны распространением на Северном Кавказе коневодства, в том числе табунного, что позволяли обширные просторы края, а также связанные с этой отраслью хозяйства навыки и приемы. Некоторые из них (стреножение, выхолащивание, коновязь) отражены на скифских курганных находках. С коневодством занесено и конское снаряжение и различные виды повозок. Древней иранской традицией в регионе можно считать приготовление из молока высококачественного сыра и масла, а из шерсти — изготовление превосходных сукон, войлоков и бурок. Многие термины, связанные с обработкой шерсти и молока, восходят к древнеиранскому, а слово *нымœт* (войлок) из этой группы вошло в языки различных народов. Из трех применявшихся маслобоек — кожаной, деревянной и керамической — первая была наиболее древней и бытовала еще недавно у осетин-дигорцев, а в наши дни у балкарцев и карачаевцев под осетинским названием *гœбœт*. Находка керамической маслобойки типа современной деревянной в аланском поселении Прикубанья указывает на наличие у ираноязычных предков осетин, а, возможно, их соседей и такой маслобойки.

4. В области материальной культуры древнеиранским вкладом можно считать ряд кулинарных изделий у балкарцев и карачаевцев (пироги с различными начинками и пр.), аналогичных осетинским, имевших осетинские наименования, а из напитков— пиво до принятия горцами мусульманства. По-видимому, от

древних иранцев идет и низкий круглый столик на трех ножках, аналогичный которому, но из керамики, найден в аланском поселении в районе Кисловодска. Осетинское название столика— *фынг*, имевшего также широкое распространение у венгерских ясов, восходит к древнеиранскому. Сюда же надо отнести название *нуазœнтœ* — сосудов для употребления напитков, в том числе различных деревянных пивных бокалов, имевших распространение, кроме осетин, у балкарцев, карачаевцев и ингушей. В костюме горцев древнеиранским можно считать бешмет *(курœт)*, имеющий близкую аналогию со скифским кафтаном, остроконечный шлем типа башлыка, шубу, мягкую обувь с высоким подъемом.

В области духовной культуры горцев наиболее ярко иранские черты проявлялись в их погребальных и поминальных обрядах до принятия ими ислама. К ним относятся, в частности, посвящение коня покойнику, скачки, стрельба в цель, оплакивание, одевание покойника и т. д. Иранцы занесли на Кавказ волнистый орнамент, скифский звериный стиль, многострунную арфу. Наличие их подтверждается археологическими находками, данными письменных источников и языкознания.

5. Широко известна роль ираноязычных предков осетин и в формировании нартовского эпоса во всех его национальных вариантах (Дюмезиль, Абаев).

Ю. А. Дзиццойты, К. К. Кочиев

НОВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ОСЕТИНСКОЙ КОСМОЛОГИИ

В июле 1988 г. в селениях Хидикус и Лац (Алагирский р-н Северо-Осетинской АССР) нами было записано предание, связанное с вертикально стоящими камнями у селения Лац.

Согласно преданию, эти камни, называемые *cyrt*, были принесены и установлены с четырех сторон вокруг селения великанами ваюгами (*wœjyg*) по повелению эпических нартов, первопоселенцев Лаца. Камни обозначали границы селения, которые ваюгам было заказано переступать. Но и жители Лаца, выходившие за цырты, рисковали быть похищенными ваюгами. Отсюда выражение «Куда он запропастился, словно вышедший от нартов к цырту?».

Сведения о количестве цыртов у информантов расходятся. По одной версии их было 4, по другой — 6. Один из цыртов был снесен оползнем на памяти информантов. Нам удалось ос-

мотреть 3 цырта. Они представляют собой необработанные сланцевые плиты высотой от 160 до 240 см. Судя по их расположению, можно предполагать, что все цырты в совокупности образовывали прямоугольный четырехугольник, ориентированный по сторонам света, внутри которого и располагалось селение. Каждый из цыртов имел свое название.

В современном осетинском языке *cyrt* (из др.-иран. **cidra-* «знак») означает «надмогильный камень», «памятник». Такие памятники, обычно в виде стел с выбитым и раскрашенным символическим изображением человеческой фигуры, иногда просто необработанные камни, аналогичные цыртам Лаца, широко распространены на территории Северной и отчасти Южной Осетии. Однако информанты утверждают, что описываемые цырты не являются памятниками (*mardy cyrt*). Связь цыртов Лаца в предании с ваюгами побуждает искать их объяснение в сфере мифологических представлений.

Образ ваюгов очень популярен в осетинском фольклоре, где они обычно фигурируют как враждебные человеку великаны; в некоторых сказках и быличках ваюги выступают как разновидность нечистой силы. В то же время в архаичных ритуальных и эпических текстах ваюг является стражем царства мертвых, что коррелирует с древнеиранскими представлениями о Ваю — божестве смерти, к которому и восходит образ ваюга осетинской мифологии (Абаев ИЭСОЯ IV; 68—70).

Описываемая в предании о цыртах Лаца ситуация схематически может быть представлена как выделение пространства, недоступного для внешних враждебных сил, персонифицированных в лице ваюгов, посредством воздвижения каменных стел на углах ориентированного по сторонам света четырехугольника. В свете осетинской космологии эта схема соотносится с представлениями о четырехугольной Вселенной, окруженной Хаосом, деструктивным началом, чьим воплощением является Ваюг-Ваю. При этом воздвижение стел-цыртов, соотносимых с мировыми деревьями по четырем углам земли, мотивируется стремлением сакрализовать заключенное между ними пространство и тем самым оградить его от Ваюга-Ваю.

Правомерность такого толкования определяется, на наш взгляд, символикой цырта как космического столпа (Цховребов, 198.), существованием аналогичных моделей в Нартиаде (сказание о путешествии в загробный мир Сослана, от которого ваюги требуют построить замок (ограду) и по его четырем углам посадить листья растущего в преисподней древа Аза), скифских ритуалах (Переводчикова, Раевский, 1981), Авесте («квадратная Вара») и т. д. Особо следует отметить пред-

ставление о Лаце как о культовом центре Куртатинского ущелья и как о «нартовском селении»: здесь находятся семь святилищ (*Lœcy avd dzwary*), «нартовский ныхас» (место собраний), другие памятники, связываемые с нартами.

Ю. Н. Воронов

АЛАНЫ В АБХАЗИИ

Присутствие алан на территории Абхазии на протяжении почти всего I тысячелетия н. э. фиксируется римсковизантийскими источниками достаточно четко (Флавий Арриан, Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр, Анастасий, Феофан Хронограф и др.). Одной из функций римского гарнизона Себастополиса (совр. Сухум) уже во II в. н. э. явилась оборона против алан, проникавших к побережью через западнокавказские перевалы. Показательна передача византийцами мисимианского укрепления Бухлоон (совр. Пахулани на правом берегу Ингура) аланам, владевшим этой крепостью и прилегающей территорией до второй половины VII в. Присутствие это подчеркнуто и широкими, в том числе торговыми (через посредство купцов-алан), связями предков осетин с населением Абасгии в первой половине VIII в. (вояж Льва Исавра).

Очень важны древнегрузинские источники, помещающие Осетию на пути от Картлии и Кларджетии в Абхазию и Джигетию (Евктиме Атонели, X в.) и между Картлией и Авазгией (Джуаншер, XI в.), резиденцию осетинской царевны Алды в Анакопии («Летопись Картли», XI в.), места охоты Георгия III — до «страны аланов, что есть Абхазия» («История и восхваление венценосцев», XIII в.), «Анакопию с Аланией» на территории Цхумского воеводства (Апсилии) в конце VIII века (Вахушти, XVIII в.) и др.

Археологически присутствие алан в Абхазии документировано в Цебельде, где найдено до десятка характерных северокавказских лощеных кружек (четыре в слоях середины VI века в крепости Цибилиум, остальные — в захоронениях апсилов V—VI вв. н. э. В ряде мужских захоронений VI—VII вв. отмечена искусственная деформация черепов. Эти находки не только свидетельствуют о присутствии алан в составе персидских и византийских отрядов, действовавших в Апсилии, но и позволяют говорить об иных (торговых, брачных и пр.) связях апсилов с населением верховьев Кубани. В условиях функционирования западнокавказских ответвлений Великого Шелкового Пути и объединяющего

культурно-политического воздействия Византии на северных и южных склонах Кавказского хребта, заселенных предками абхазов и осетин, в IV—VIII вв. начинает складываться единая культурная общность (керамика, стеклянная посуда, вооружение, поясные наборы, фибулы, серьги, денежная система и др.). Эта общность проявляется и в христианском искусстве Абхазии и Алании X в. (Е. П. Алексеева, А. К. Амброз, В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба и др.).

Следы присутствия алан отмечаются и в топонимическом материале (Клухорский перевальный путь в VI в. именовался Даринским, в ущелье Ингура отмечен ряд осетинских топонимов — Худон и др.). До сих пор не решен вопрос о происхождении распространенного на территории древней Апсилии локативного суффикса *-ал* (Тцабал, Дал, Чхал, Ходжал, Чацкал, Амткел, Пал и т. д.), фиксируемого источниками II—VI вв. н. э. в форме *-ил* (Стробил, Апсил, Тцибил). Этот суффикс некоторые исследователи связывают с аланским языковым миром, как и основу *апс-, асп-* (от североиранского «конь»), внедрившуюся в местную среду путем инфильтрации северокавказских кочевников в апсилийские патрономии на правах интегрированного социального слоя.Аланский элемент представлен и в абхазской ономастике (Х. С. Бгажба, Л. П. Чкадуа, В. А. Логинов и др.).

Сказанное позволяет вновь вернуться к вопросу о времени распространения нартского эпоса среди разноязычных западнокавказских народов. Должно быть понятно, что их общим достоянием эпос мог стать лишь в момент максимального культурно-политического сближения с аланами, которое, исходя из имеющихся материалов, не проявляло себя в необходимой мере ранее I тысячелетия н. э. и, особенно, раннесредневекового периода (IV—X вв. н. э.), когда этот сюжет из верховьев Кубани распространялся вместе с аланским элементом среди населения Апсилии и Абасгии. Такой вывод не противоречит воззрениям ряда ведущих нартоведов (В. И. Абаев, В. А. Кузнецов и др.).

Е. М. Малия

АБХАЗО-ОСЕТИНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ПО ДАННЫМ ОРНАМЕНТА

Абхазо-осетинские этно-культурные связи, прослеживаемые по данным языка, материальной и духовной культуры, народному эпосу, религиозным верованиям, восходят к глубокой древности (В. И. Абаев, Ш. Д. Инал-ипа).

Среди данных, которые могут быть привлечены для исследования проблемы этнокультурных связей этих народов, существенное значение имеют также и материалы народного орнамента. Вопрос об использовании народного орнамента в качестве надежного исторического источника не вызывает сомнения.

Наряду с локальными особенностями в народном орнаменте абхазов, адыгов, а также осетин прослеживаются определенные схождения. Они касаются как некоторых геометрических мотивов орнамента, так и солярных и некоторых зооморфных изображений. Таковыми являются различные комбинации зигзага, связанного ромба, углов, прямых полос на бассонных изделиях осетин, имеющих аналогии в орнаментике шерстяных паласов и хлопчатобумажных настенников абхазов. Техника изготовления бассонных изделий известна и другим народам Северного Кавказа. Литые изображения бронзовых шнуров, выполненных в технике отливки, встречаются как на бронзовых эгретках культового назначения из Абхазии, так и на предметах из кобанских могильников (топоры, кинжалы, привески).

К следующему типу схождений орнамента абхазов и осетин следует отнести фигуры криволинейного порядка (рогообразный мотив, мотив креста с раздвоенными концами, мотив полуовала и др.). Если в орнаменте вышивок осетин рогообразные мотивы представлены и усложненными вариантами, то в абхазской орнаментике мы имеем лишь упрощенный его вид. Простые криволинейные мотивы по праву связываются с древним слоем кавказской культуры (К. А. Берладина, Е. Н. Студенецкая). Усложненные же варианты равноконечного прямого и косого крестов признаются исходными мотивами тюркского орнамента (А. Я. Кузнецова и др.).

Значительные сходства прослеживаются также на основании солярных мотивов абхазского и осетинского народного орнамента. Истоки этих мотивов восходят к памятникам эпохи бронзы.

К исконным типам орнамента абхазов и осетин относятся зооморфные мотивы, имеющие различные формы художественной выразительности. Если в орнаменте абхазов мы имеем изображения целых фигур животных и птиц в различных композиционных построениях (олень, собака, козел, лошадь и др.), то в орнаменте осетин, как и адыгов, животный мотив представлен в виде «части по целому», а именно: в виде изображения головы, либо рогов животного (олень, козел, баран и др.).

В основе животного узора осетинского, как и абхазского народного орнамента, лежат образцы мелкообъемной пластики и графического декора памятников эпохи кобано-колхидской бронзы.

Наряду со схождениями, в орнаменте абхазов и осетин име-

ются и различия, что свидетельствует о длительном и самостоятельном развитии некоторых видов народного искусства этих народов. В целом же в основу орнамента абхазов и осетин легли традиции единого восприятия мира, природы, общественных явлений.

Абхазо-осетинские параллели по орнаменту имеют безусловно большую ценность не только с точки зрения народного искусства, но и вообще этногенеза и этнической истории этих народов. Выявленные схождения орнаментальных типов — яркое свидетельство родства и близости культур абхазов и осетин, доказательство того, что предки осетин «представляли собой сходную или близкую протоабхазской среду не только в культурном, но может быть и в этническом отношении...» (Ш. Д. Инал-ипа).

М. М. Хашба

АБХАЗО-ОСЕТИНСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Исследование взаимосвязи и взаимовлияния народных музыкальных культур и, в частности абхазо-осетинских, в свете исторической закономерности является одной из сложных и интересных проблем кавказской музыкальной фольклористики, этнографии, лингвистики и истории. Мы имеем в виду особую важность данной проблемы, разрешение которой будет играть не только местное значение, она поможет открыть новые пути в деле изучения этногенеза абхазов и осетин, создавших много общего в отношении духовной и материальной культуры.

Сравнительный ретроспективный анализ музыкального фольклора абхазов и осетин показал, что в народнопесенном творчестве этих народов преобладают историко-героические песни, которые слагались в память о подвиге погибших героев.

В героических песнях осетин выявлено интонационное и гармоническое сходство с народнопесенным искусством абхазов. Сходство проявляется и в стиле и в манере исполнения.

Основными ладами осетинских народных песен являются миксолидийский, ионийский, фригийский и дорийский лады, а также переменный лад с характерным сопоставлением тоник, что присуще и народнопесенному творчеству абхазов.

В абхазских и осетинских народных песнях установлены общие кадансовые формы с характерной для каждой музыкальной культуры национальными особенностями. Это квартовый каданс и квартовый каданс с остановкой на кварте, а также сложный и простой кадансы.

Сходство абхазских и осетинских песен проявляется в характерном метроритмическом стереотипе, состоявшем из триолей, сочетающих в себе восьмую с четвертью. Вместе с тем интонационно-родственные песни абхазов и осетин функционально разнятся. Родство осетинских народных песен с абхазскими объясняется лежащим в основе осетинских песен кавказским субстратом.

Результаты исследования музыкального фольклора абхазов и осетин свидетельствуют о существовании в историческом прошлом общей музыкальной культуры у народов, издревле проживающих на Кавказе.

Как показывает исследование, интонационное сходство народнопесенного искусства абхазов и осетин на древнейших ступенях развития музыкального мышления свидетельствует о родстве их музыкальных культур.

Х. С. Джиоев

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СТОПА РЕАЛЬНЫМ ЗВУКОВЫМ ЯВЛЕНИЕМ?

Взгляд на реальность стоп и природу ритмических единиц вне контекста имеет весьма широкое распространение. Ими обычно оперируют в своих исследованиях такие известные ученые, как М. Л. Гаспаров, В. Е. Холшевников и др. Теоретическое обоснование тому, что стопа — понятие условное, сама по себе не есть реальное звуковое явление, что стиховая речевая единица ритмически неопределенна, дано Л. И. Тимофеевым.

В статье «Об изучении стиха Маяковского» [журнал «Литература в школе» М., № 3, 1953], Л. И. Тимофеев приводит несколько примеров для подтверждения условности понятия стопы, для обоснования тезиса, что «стопа сама по себе не есть реальное звуковое явление» и считает, что «обратимые строки» «могут быть с одинаковым основанием отнесены к различным размерам».

Принципиальное возражение вызывают эти положения. Обратимые строки к различным размерам можно отнести не с одинаковым основанием, а только лишь с переакцентуацией «центра» различия между двумя размерами.

Они превращаются в вариации других размеров не сами по себе, а с изменением акцентологической их структуры, характера их стопной организации.

Речевой отрезок, строка, по теории обратимости строк Л. И. Тимофеева, приобретает ритмичность и реально существует только

в ритморяде, только в ряду повторяющихся строк в однородном ритмическом окружении.

Если бы в потоке живой, прозаической речи речевой отрезок не имел определенной ритмической структуры, не существовал бы реально как ритмическая единица, каким образом он приобретает ритмичность в ритморяде, т. е. как он становится ритмической единицей ритморяда?

Однородное ритмическое окружение строк создается лишь тогда, когда части этого целого, т. е. ритмические единицы — строки отмечены этими же однородными признаками. Вот потому нельзя игнорировать это диалектическое единство и соотношение части и целого.

Л. И. Тимофеев, считая, что ритмическая структура стихотворной строки познается только при однородном окружении, сам интерпретирует ритмический склад отдельных ямбических строк без такого однородного окружения.

Теория обратимых строк, какой ее представил Л. И. Тимофеев, не может объяснить, что стопа не представляет собой реального звукового явления, и ритмические единицы — стихотворные строки сами по себе не имеют ясно выраженной ритмической композиции.

Для чего понадобилась эта теория? По ней легко объясняется силлабический характер стихов пионеров русской поэзии Симеона Полоцкого и Антиоха Кантемира. Между тем, их стихи ничего общего не имеют с силлабическим складом, а являются разновидностью свободного тонического стихосложения. Силлабическими не являются и стихи А. Колиева, Т. Мамсурова.

Легко объясняется потому, что в стихах Симеона Полоцкого, Антиоха Кантемира и других неупорядоченно чередуются тонические элементы, и они не могут быть признаны ими, так как без однородного окружения хорей — это не хорей, амфибрахий — это не амфибрахий и т. д.

По этой теории легко объясняется и то, что ударник В. Маяковского представляет собой не одну из разновидностей свободного тонического стихосложения в том значении, в каком «тоническое» употреблялось Тредиаковским, а совершенно новую родовую стиховую систему — тоническую.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Knobloch. Grußadresse an Professor Vassili I. Abaev . . . 3

М. И. Исаев. В. И. Абаев как филолог-мыслитель 4

В. А. Ефимов, М. И. Исаев. В. И. Абаев и Институт языкознания АН СССР 5

Ю. А. Сорокин. Две семантики и языковое сознание: попытка интерпретации . . . . . —

Т. Н. Пахалина. Рефлексы индоевропейских корней *KĒ/ŌL-, *K/GEU̯-, *ǴHU̯EL- и *BHĀ(U̯)- в иранских языках 6

Д. И. Эдельман. К иранско-европейским грамматическим изоглоссам 7

С. П. Виноградова. О синхронных и диахронических закономерностях консонантных групп в Гатах (Авеста) 8

И. М. Стеблин-Каменский. Имена Заратуштры и его родителей 10

В. А. Дыбо. О ритмической концепции Л. Г. Герценберга в пуштунской акцентологии . . . . . —

Е. К. Молчанова. Эволюция падежа в новоиранских языках западной группы. Ареальный аспект 12

А. В. Дыбо. Иранские названия пядей 13

Е. М. Назарова. О конструкции изафетного типа в еврейско-татском языке в сравнении с другими иранскими языками 15

А. А. Керимова. О некоторых особенностях развития современного таджикского литературного языка 17

Р. Х. Додыхудоев. Афганистан и Паштунистан (К структуре и значению терминов) . . . . . —

С. Мерганов. Терминология родства в Афганистане и её эвфемизмы 18

З. Ф. Харебати. Некоторые этимологии из «Фарвардин-Яшта» . 19

З. Г. Исаева. Вопросы антропонимии в трудах В. И. Абаева . . 20

З. А. Битарти. Сонорон -й-, -у- æмæ хъæлæсон мырты æмиуæдты фарста ирон æвзаджы . . . . . —

Т. А. Гуриев. Следы греко-скифских (аланских) контактов . . 21

G. Lazard. Subjonctif et optatif en ossète 22

В. М. Гусалов. Об одном грамматическом архаизме осетинского языка: Dativus ethicus 23

А. А. Джиоева. Об универсальном и идиоэтическом в семантике языка 24
М.-Ш. А. Исаев. Языковая картина мира в этнокультурной лексике и идиоматике даргинского фольклора 26
З. А. Носкова. Аланское происхождение слова *шелк* в русском языке 27
А. В. Лушникова. Венгерско-восточно-иранские ареальные фонетические параллели 28
И. Г. Добродомов. К интерпретации чувашско-осетинских лексических параллелей 30
Г. Т. Бурчуладзе. Иберийско-кавказская лексика в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева 32
Б. М. Атаев. Некоторые параллели с системе обозначений времен года в осетинском и дагестанских языках 33
З. Д. Джопуа. Удвоение эпитетов в художественно-определительной системе абхазского нартовского эпоса 34
И. Х. Абдуллаев. К истории одного иранизма в дагестанских языках 36
Е. Е. Кузьмина. Некоторые категории материальной культуры осетин и проблема происхождения индоиранцев 37
Д. С. Раевский. Скифское общество и трехфункциональная концепция Ж. Дюмизиля: парадокс интерпретации 39
М. П. Погребова. О характере скифских походов через Кавказ 40
Ю. С. Гаглойти. Сарматы и кавказцы 42
А. И. Иванчик. К анализу рассказа Геродота об изгнании киммерийцев из Причерноморья 44
В. Б. Ковалевская. Аланы Западной Европы в середине I тысячелетия н. э. 45
К. Г. Догузов. Аланы в ирано-византийских войнах на Кавказе 46
Л. А. Чибиров. В. И. Абаев и проблема генезиса земледельческой культуры осетин 48
Б. А. Калоев. Роль древнеиранского компонента в быту и культуре народов Северного Кавказа . . . . . —
Ю. А. Дзиццойты, К. К. Кочиев. Новые этнографические материалы к осетинской космологии 50
Ю. Н. Воронов. Аланы в Абхазии 52
Е. М. Малия. Абхазо-осетинские параллели по данным орнамента 53
М. М. Хашба. Абхазо-осетинские музыкальные параллели . . . 55
Х. С. Джиоев. Является ли стопа реальным звуковым явлением? 56

ВОПРОСЫ ИРАНИСТИКИ
И
АЛАНОВЕДЕНИЯ

Сдано в набор и подписано в печать 2.10.90 г. Формат изд. 60×84 1/16. Гарн. шрифта «Обыкнов. новая». Печать офсетная. Учетно-изд. л. Усл.-печ. л. Заказ № . Тираж 200 экз. Бесплатно.

РИО Госкомиздата СОАССР, 362040, г. Владикавказ, ул. Джанаева, 20.
Республиканская книжная типография им. Гассиева, ул. Тельмана, 16.